

Humanitas

Адольф Демченко

Н.Г. Чернышевский

Научная биография

(1828–1858)



Humanitas

Адольф Демченко

**Н. Г. Чернышевский. Научная
биография (1828–1858)**

«ЦГИ Принт»

2015

УДК 17.82.94
ББК 83

Демченко А. А.

Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858) /
А. А. Демченко — «ЦГИ Принт», 2015 — (Humanitas)

ISBN 978-5-98712-536-6

Среди обширной литературы о Николае Гавриловиче Чернышевском (1828–1889) книга выделяется широтой источниковедческих разысканий. В ней последовательно освещаются различные периоды жизненного пути писателя, на большом архивном материале детально охарактеризованы условия формирования его личности и демократических убеждений. Уточнены или заново пересмотрены многие биографические факты. В результате чего отчетливее выясняется конкретная обстановка раннего детства в семье православного священника (главы о предках, родителях, годы учения в духовной семинарии), пребывания в университете и на педагогическом поприще в саратовской гимназии. Подробно рассмотрены обстоятельства женитьбы, дружеские связи, учительская служба во 2-м кадетском корпусе, биографические подробности защиты магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», особое внимание уделено участию в редактировании «Современника» и «Военного сборника». В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 17.82.94

ББК 83

ISBN 978-5-98712-536-6

© Демченко А. А., 2015

© ЦГИ Принт, 2015

Содержание

Н. Г. Чернышевский	7
Введение	7
Глава первая. В семье	12
1. Родословная	12
2. Родители	15
3. Семейное воспитание	28
4. Саратовская действительность	37
Глава вторая. Ученические годы	46
5. Духовное училище	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Адольф Демченко Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858)

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты Центра гуманитарных научно-информационных исследований Института научной информации по общественным наукам, Института российской истории, Института философии Российской академии наук

© С. Я. Левит, составление серии, 2015

© А. А. Демченко, 2015

© Центр гуманитарных инициатив, 2015

® Университетская книга, 2015

Н. Г. Чернышевский Научная биография (1828–1853)

Жизнь моего <детства> действительно почти не имела соприкосновения с фантазмагорическим элементом, потому что его почти не было в жизни моих <родных>, моего народа, которая тогда охватывала меня со всех сторон.

Н. Г. Чернышевский. Автобиография. 1863

Эх, господа, господа, вы думаете, дело в том, чтобы было слово республика, да власть у вас, – не в том, а в том, чтобы избавить низший класс от его рабства не перед законом, а перед необходимостью вещей <...> Не люблю я этих господ, которые говорят свобода, свобода – и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором 9/10 народа – рабы и пролетарии.

Н. Г. Чернышевский. Дневник 1848 года

Да, тяжёлое теперь время для литературы!

Н. Г. Чернышевский. Из письма 1850 года

Введение

«Писатель честный и человек честный» – эти слова о Николае Гавриловиче Чернышевском (1828–1889) взяты из чернового наброска его предисловия к написанному им же в Петропавловской крепости роману «Повести в повести» (1863), где он в автобиографической части этого произведения намеревался привести различные раздававшиеся в его адрес характеристики (XII, 681).

Понятие «честный» в его истолковании означало не только житейскую добросовестность, прямоту, искренность. Оно наполнено также социальным, мировоззренческим смыслом: честный – значит верный убеждениям, противопоставленным официальной идеологии крепостнического государственного устройства, основанного на экономическом и политическом неравенстве.

В середине XIX в. он выступил как философ и экономист, историк и социолог, общественный деятель и публицист, филолог и литературный критик, политик и педагог. Наконец, он известен как романист, автор бунтарского романа «Что делать?», занявшего видное место в истории русской литературы.

Мировоззрение Чернышевского характеризуется ярко выраженным демократизмом. По его убеждению, опираясь на народ, вовлекая его в прогрессивные реформы, важно оценивать свои действия с точки зрения того, «какие преобразования материальных отношений нужны для удовлетворения потребностям беднейшего и многочисленного класса» (VII, 156, 178). В условиях безраздельного господства крепостничества подобная позиция не могла не звучать революционно. И в этом смысле Чернышевский всегда оставался на позициях революционного демократизма, но понимаемого, однако, не как призывы к революционному восстанию и участию в сочинении подпольных прокламаций. Однажды Чернышевский сам употребил понятие «революционный демократ» в положительном смысле применительно к характеристике политических симпатий Ж.-Ж. Руссо (VII, 223), одного из наиболее последовательных в эпоху

Просвещения пропагандистов демократических свобод и заботы о материальном положении низших классов.

Сложившийся десятилетиями миф о прокламационных выступлениях и призывах к топору никак не увязывается с обликом подлинного Чернышевского, глубокого мыслителя и гуманиста. Его революционный демократизм ничуть не противоречит этому облику.

Чернышевский принадлежит к писателям, к которым время никогда не относилось равнодушно. С самых первых строк в «Современнике» начала 1850-х годов, возвестивших о появлении в литературе талантливого работника, до сегодняшнего дня вокруг его имени бурлят страсти, оно, как и прежде, продолжает «шуметь на перекрёстках русской жизни», по выражению А. Л. Вольнского, одного из идейных оппонентов Чернышевского конца XIX в.¹² От признания современниками за Чернышевским значения крупного писателя, идейно влиявшего на формирование общественного сознания, до чрезмерного в последующее продолжительное время восхваления его как предшественника русского марксизма и затем резкого снижения его роли в отечественной литературе – таковы заметные вехи в оценках писателя на протяжении многих десятилетий. По справедливому замечанию философа-богослова В. В. Зеньковского, далёкого от убеждений автора «Что делать?», но сумевшего понять его как гуманного представителя русской философской и общественной мысли, «Чернышевского часто и охотно стилизовали различные течения русского радикализма, но сам он был шире тех рамок, в которые его вставляли».³

Наиболее сильным союзником в противодействии хвалителям и хулителям Чернышевского выступает сам Чернышевский. Пришло время объективных, взвешенных оценок, и для того чтобы осветить его таким, каким он был в действительности, необходимо непредубеждённое, научное обследование всего наличного биографического и творческого материала. Этой цели и служит предлагаемое жизнеописание.

Первой попыткой обобщающего биографического исследования о Чернышевском была монография Ю. М. Стеклова 1909 г., переработанная автором в 1928 г. в солидный двухтомный труд.⁴ Методология Ю. М. Стеклова не избежала вульгарно-социологических построений, выразившихся в одностороннем, «выпрямленном», между тем оказавшемся весьма живучим истолковании мировоззрения и биографии писателя – например, в неумеренном сближении его взглядов с учением К. Маркса.

Исследовательская работа последующих десятилетий значительно обогатила знания о Чернышевском и его эпохе. Осуществлено «Полное собрание сочинений», где в основном восстановлен подлинный авторский текст, подвергшийся в своё время сильным цензурным искажениям,⁵ опубликована и основательно прокомментирована мемуарная литература,⁶ составлена «Летопись»,⁷ опубликованы новые тексты и документы, написаны сотни статей-исследований, уточняющих и расширяющих наши представления о жизни и творчестве Чернышевского.⁸ Определённую роль сыграла и научная биография Чернышевского, вышед-

¹ Условные сокращения в примечаниях приводятся в конце книги.

² Вольнский А. Л. Русские критики. Литературные очерки. СПб., 1896. С. 262.

³ Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 142.

⁴ Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828–1889). СПб., 1909; изд. 2-е, испр. и доп.: В 2 т. М., 1928.

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953. Однако и здесь не обошлось без некоторых купюр, и продолжает оставаться актуальной задача нового издания, соответствующего современным текстологическим и комментаторским требованиям. Попытку подобной работы предпринимали саратовские исследователи под руководством проф. Е. И. Покусаева, см.: Чернышевский Н. Г. Литературная критика: В 2 т. М., 1981.

⁶ Воспоминания (1959); Воспоминания (1982).

⁷ Летопись. Ввиду давности публикации и накопленных новых данных «Летопись» явно нуждается в переработке.

⁸ См., напр., в сб.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960–1978. Вып. 1–7; Освободительное движение в России. Саратов, 1971–1990. Вып. 1–14; Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1958–2013.

шая в 1978–1994 гг.⁹ Всё новое, что появилось в науке о Чернышевском примерно за последние два десятилетия, настоятельно диктует потребность переработки этого последнего труда.

Создание научных биографий писателей продолжает оставаться насущной потребностью историко-литературной науки. Однако литературоведы редко обращаются к ним. Одна из причин заключается, вероятно, в их особой трудоёмкости: научно-биографические изучения требуют многолетних усилий. Причиной является также, по-видимому, недостаточная теоретическая разработанность типа исследования. Обычно авторы избегают обозначения «научная биография» и пользуются более распространёнными – «жизнь и деятельность», «жизнь и творчество», «биография». Причём далеко не каждое жизнеописание приближается к научным биографиям с их специфическими признаками.

Широкое распространение получило использование понятия «научная биография» для книг, заключающих характеристику научной стороны деятельности видных учёных. Так, издательство «Наука» уже много лет выпускает небольшие книги в серии «Научная биография», содержащие изложение научных взглядов учёных разных специальностей.¹⁰ Об одной из своих книг литературовед и философ В. Ф. Асмус писал: «Её предмет – научная и философская биография Декарта».¹¹ По этому образцу можно говорить о «музыкальной биографии», «рабочей биографии» и т. д. Здесь тип биографии обусловлен не способом описания жизни определённого лица, а содержанием его деятельности. Такое толкование понятия «научная биография» находится вне сферы нашего внимания как очень узкое, одностороннее.

Нельзя назвать удовлетворительными разъяснения, предлагаемые современными литературоведческими справочниками. В «Краткой литературной энциклопедии» утверждается, что биография «может быть научной, художественной, академической, популярной и т. д.»¹² Почти то же читаем в современном энциклопедическом издании: «... Выделяются жанры художественной биографии, научной, популярной и академической».¹³ При этом не объяснено, какова, например, разница между биографиями академической и научной? Может быть, академическая биография – это биография академика или биография, изданная академическим учреждением? Неясность, запутанность подобных указаний отражает явное неблагополучие в теоретических разработках биографического жанра вообще и научной биографии в частности.

Сопоставление научной биографии с другими видами биографических трудов¹⁴ даёт возможность определить основные черты научной биографии как самостоятельного типа литературоведческого исследования.¹⁵

Предмет научной биографии – жизнь писателя; способ осмысления и хронологического описания этой жизни – научное исследование, осуществляемое посредством критического анализа источников, а в необходимых случаях и первоисточников. Личность писателя, его литературное наследие, общественное бытие, отношение к современным ему историческим и литературным событиям его эпохи и его родины находятся в центре внимания биографа-иссле-

Вып. 1–19; Чернышевский: proet contra; Н. Г. Чернышевский. Ук. лит.-ры. 1960–1970. Саратов, 1976; Н. Г. Чернышевский. Ук. лит.-ры. 1971–1981. Саратов, 1985; Н. Г. Чернышевский. Ук. лит.-ры. 1982–2002. Саратов, 2007.

⁹ Научная биография.

¹⁰ См., напр.: Каталог книг издательства «Наука». М., 1980. С. 326–328.

¹¹ Асмус В. Ф. Декарт. М., 1956. С. 20.

¹² Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. С. 620.

¹³ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стлб. 91.

¹⁴ См.: Нович И. Жизнь Чернышевского. М., 1939; Водовозов Н. В. Н. Г. Чернышевский М.; Л., 1939; Бельчиков Н. Ф. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1946; Скафтымов А. П. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Изд. 2-е. Саратов, 1947; Рюриков Б. С. Н. Г. Чернышевский. М., 1961; Покусаев Е. И. Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и деятельности. Изд. 5-е. М., 1967; Озерова А. А. Н. Г. Чернышевский. Пособие для учителей. Изд. 2-е, М., 1956; Наумова Н. Н. Николай Гаврилович Чернышевский. Биография: Пособ. для уч.-ся. Изд. 2-е, Л., 1974.

¹⁵ См.: Демченко А. А. Научная биография как тип литературоведческого исследования // Известия СГУ Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 3. С. 52–61; там же. № 4. С. 51–60.

дователя, но он обязан показать их в единстве с конкретной жизнью писателя, с его творческой индивидуальностью, его бытом и ближайшим окружением, с его мировоззрением. Научная биография отличается полнотой исследуемых фактов, самостоятельными источниковедческими разысканиями, стремлением существенно дополнить и уточнить имеющиеся знания о жизни писателя, обобщить их. В известном смысле научная биография представляет собой документально выверенный материал для создания более полной биографии писателя, в которой анализу его творчества уделялось бы больше внимания, нежели в научной биографии, сосредоточенной преимущественно на исследовании собственно биографических источников.

В кратком виде определение получает следующий вид.

Научная биография писателя – это обобщающее литературоведческое исследование жизни творца, построенное на документальной основе, осуществляемое посредством критического анализа источников и определяющее своеобразие личности художника в её единстве с эпохой, общественной средой и творческим самовыражением.

Как следует из сказанного, научно-биографическое изучение выполняет две задачи. С одной стороны, это последовательно-хронологическое изложение жизни писателя в разнообразных и, прежде всего, творческих её проявлениях, определение основных, доминирующих в писательской деятельности признаков, обусловивших место писателя в истории литературы. С другой стороны, это в какой-то мере итоговое исследование, которое может возникнуть только на достаточно высоком уровне науки о данном писателе.

Было бы ошибочным, однако, отводить научной биографии роль конечного, исчерпывающего изучения творческой личности. Никакое исследование не может принять на себя подобной задачи. В сложном процессе историко-литературного познания научная биография как монографический труд представляет один из перспективных способов исследования, стимулирующий более глубокое изучение жизни и творческого пути писателя.

Автор научной биографии обязан учитывать при этом, что в двуединой формуле «личность – среда» личность важно понять не только как продукт среды, но и как активно воздействующую на среду силу. Биограф подстерегает опасность и другого рода, известная под названием «мелкого биографизма», когда многочисленные детали личной биографии заслоняют или подменяют собой социальную обусловленность личности, её интеллектуальное содержание.

Правильное теоретическое представление о внутренней диалектической взаимосвязи личности и эпохи (среды) не устраняет, однако, определённых трудностей, когда проблему «дозировки» социального фона в биографии приходится решать практически. Успешное нахождение верных пропорций здесь – дело сложное, предполагающее различные решения композиционного и стиливого характера.¹⁶

Обязательным условием в создании научной биографии Чернышевского является пересмотр известных документальных источников, особенно тех, которые касаются спорных, сложных или малоизученных периодов его жизни и которые должны послужить достоверной фактической базой биографической монографии о нём.

Принципиальное значение имеет всесторонний учёт фактов. Изучение биографических фактов в их целом, их связи создаёт условия для конкретно-исторического изучения личности выдающегося шестидесятника, предохраняет от модернизации, упрощения или вульгаризации. Публицистические, литературно-критические, научные и беллетристические произведения Чернышевского, его дневники, автобиографические заметки, переписка, воспоминания, мемуарная литература, исходящая от его современников, – вот богатейший, ещё нуждающийся

¹⁶ Наиболее успешно эти проблемы решены в работе: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Биография. М., 1949 (2-е изд. М., 1951); Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов. Биография. М., 1972; Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860–1870-е годы. Биография. М., 1984; Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М., 1989.

в научном осмыслении источниковедческий материал. Критический анализ источников и первоисточников необходим для определения ценности рассматриваемого материала, степени его достоверности. Этому способствует сопоставление всех видов источников, их «взаимопроверка». Источниковедческий анализ осуществляется в научной биографии не как самоцель, его «нельзя сводить к приемам технического препарирования документов. Источниковедение предваряет историко-литературное исследование и ведётся в русле его задач». ¹⁷ Имеют существенное значение поиски новых документальных данных, проясняющих те или иные подробности из жизни Чернышевского.

Своеобразие творческого дарования Чернышевского (писатель-публицист, мыслитель) неизбежно накладывает отпечаток на биографический труд в целом и в первую очередь на отборе деталей-фактов, на их компоновке и на их истолковании.

В жизни Чернышевского выделяются три отчётливо разнящиеся периода. Первый – детство, учение в семинарии и университете, служба в Саратовской гимназии и переезд в Петербург (1828–1853), второй – шестидесятые годы, десятилетний период активной литературной деятельности в «Современнике» (1853–1862), третий – тюрьма, каторга, ссылка (1862–1889), и соответственно этой периодизации строится биографическое исследование о писателе.

¹⁷ Бельчиков Н. Ф. Источниковедение как научно-вспомогательная дисциплина литературоведения // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. 1963. Т. XXII. Вып. 2. С. 95. См. также: Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998; Холиков А. А. Биография писателя как жанр: Учеб. пособ. М., 2010; Хализев В. Е. Теория литературы. 6-е изд. М., 2013.

Глава первая. В семье

1. Родословная

Предки Н. Г. Чернышевского были церковнослужителями. Исходящие от него самого данные крайне скупы. В «Воспоминаниях слышанного о старине», написанных в Петропавловской крепости в 1863 г., он сообщил, основываясь на семейных преданиях, о «священнике или дьяконе» Иване Кириллыче, который с женою Маврою Перфильевною и маленькой, «чуть ли не грудной» дочерью Полинькою однажды летом переселился из одного села Саратовской или Пензенской губернии в другое, неподалеку от Саратова; «Пелагея Ивановна, Полинька этого переселения, была матушка моей матушки. Этот древнейший факт восходит в древность лет на 45 дальше того года, в который родился мой батюшка» (I, 566). Слова «древнейший факт», конечно, не лишены иронии, отражая несколько пренебрежительное отношение разночинца к своей генеалогии в противовес тому интересу, который придавали своему родословию аристократические семьи.

«Генеалогические мои сведения со стороны моего батюшки, – писал Чернышевский, – начинаются тем годом, когда он родился – 1793, – я запомнил это по его послужному списку, который перечитывал сотни раз, перелистывая «клировые ведомости» города Саратова, постоянно лежавшие на его рабочем столе. Но, перечитывая этот список сотни раз, я не потрудился запомнить, как звали по батюшке отца моего батюшки и кто он был, дьякон или дьячок, – кажется дьякон, но не ручаюсь. Итак, вот моё родословное древо:

- 3 – прадед – священник неизвестной фамилии Иван Кириллыч.
- 2 – его дочь Пелагея Ивановна, уже с известной мне фамилией, Голубева.
- 1 – моя матушка.
- 3 – прадед неизвестно кто.
- 2 – дед неизвестный по отчеству, дьякон или дьячок, Иван Кириллыч.
- 1 – мой батюшка» (I, 566–567).

На сегодняшний день расширены данные о предках Н. Г. Чернышевского по материнской линии.¹⁸

4 – прапрадед Кирилл Стефанов (Степанов) (ум. до 1814), священник церкви во имя Казанской иконы Божией Матери села Богородского, Изнаир тож, Сердобского уезда Пензенской губернии. У него сын Иоанн (Иван) Кириллов;

3 – прадед Иоанн (Иван) Кириллов (около 1761 – после 1821–1824), дьячок той же церкви. 12 декабря 1793 г. рукоположен во священники и назначен в Михаило-Архангельскую церковь села Свищёвка Сердобского уезда Пензенской губернии, недалеко от Изнаира (ныне Ртищевского района Саратовской области). 9 февраля 1796 г. его перевели в Саратов в Крестовоздвиженскую церковь бывшего женского монастыря.

Прабабушка Мавра Порфирьевна (около 1761 – после 1814), жена Ивана Кириллова. У них дети: Меланья, Пелагея, Прасковья, Анна, Мария;

¹⁸ Бондарь С. А. К вопросу о родственниках Н. Г. Чернышевского (по архивным разысканиям) // Чернышевский. Вып. 17. С. 111–121.

2 – бабушка Пелагея Ивановна Кириллова (1780–1847) вышла за протоиерея саратовской Сергиевской церкви Егора (Георгия) Ивановича Голубева (1781–1818), дети: Евгения (1803–1853), Александра (1806–1884);

бабушка Меланья Ивановна Кириллова (род. 1781 – после 1828), вышла замуж за диакона саратовской Крестовоздвиженской церкви бывшего женского монастыря Димитрия Алексея (род. 1781 – после 1824), дети: Елизавета и Яков;

бабушка Прасковья Ивановна Кириллова (1789 – до 1850), вышла замуж за Николая Ивановича Кудряшова (Николая Иванова) (1787 – до 1850), 6 августа 1821 г. рукоположен во священники в Крестовоздвиженскую церковь (сначала приходскую, а с 1829 г. монастырскую) на место своего уволившегося за штат тестя о. Кириллова. У них сын Иван Николаевич Виноградов (1816 – после 1855). Женой И. Н. Виноградова была Наталия Никитична (умерла после 1855), дети: Константин (24 декабря 1842 г.) и Пётр (19 декабря 1854 г.);

бабушка Анна Ивановна Кириллова (1790–1853) вышла замуж за Фёдора Осиповича Цыбулевского (ум. в 1850), настоятеля Петропавловской церкви Покровской малороссийской слободы (ныне город Энгельс Саратовской области);

бабушка Мария Ивановна Кириллова (1795 – ?) вышла замуж за Фёдора Степановича Вязовского (1789–1856), кафедрального протоиерея с 1831 г. Две дочери: Лариса (род. 1815), вышла замуж за Якова Андреевича Розанова, и Александра (род. 1820), вышла замуж за профессора Саратовской духовной семинарии Михаила Ивановича Смирнова.

1 – Мать Евгения Егоровна Голубева (1803–1853), вышла за священника саратовской Сергиевской церкви Г. И. Чернышевского (1793–1861).

Родословная со стороны отца также существенно дополнена сравнительно с сообщёнными Н. Г. Чернышевским сведениями. Поначалу были установлены имена родителей Г. И. Чернышевского – дьякон Иван Васильев (т. е. сын Василия) и жена его Евдокия Марковна.¹⁹ Затем на основании ревизских сказок 1795 г. (5-й переписи населения) и клировых ведомостей (списков церковнослужителей) начала XIX в. выявлены данные по документам Пензенского архива вплоть до 5 колена.²⁰

5 – прапрапрадед Василий, дьячок села Покровское Пензенской губернии. У него сын Савва;

4 – прапрадед Савва Васильев, дьякон Знаменской церкви в селе Студёнки Чембарской округи Пензенской губернии (ум. 1772). У него дети: Василий (1774–1809), Алексей (1749 или 1752 – после 1818), Иван (1758–1815);

3 – прадед Василий Саввин (1744–1809), священник Знаменской церкви в селе Студёнки; прабабушка Татьяна Михайлова (1745 – после 1795), жена Василия Саввина. У них дети: Фёдор (1764 – после 1783), Иван (1765–1809), Яков (1766–1796), Лаврентий (1773–1804), Мария (род. в 1774), Матвей (1775 – после 1794), Марк (1778 или 1783 – после 1811), Никанор (род. 1785);

2 – дед Иван Васильев (1763–1809), сын Василия Саввина и Татьяны Михайловой, род. в селе Студёнки, с 1778 г. дьячок, а с 1791 г. дьякон Архангельской церкви села Чернышово Чембарской округи Пензенской губернии;

бабушка Авдотья Маркова (1767–1835), жена Ивана Васильева. Её отец Марк Матвеев, сын дьячка Матвея Борисова из села Машты, отставной солдат (ум. в с. Чернышово до 1808 г.). У них дети: Степанида (род. 1791), Гаврила (1793–1861), Фотий (род. 1794).

¹⁹ Ерёмин Г. В. Новые документы о семье Чернышевских // Чернышевский. Вып. 7. С. 158.

²⁰ Научная биография. Ч. 1. С. 13–16, 276–277.

1 – отец Гавриила Иванов (1793–1861), сын Ивана Васильева и Авдотьи Марковой. Жена Евгения Егоровна Голубева (1803–1853).

О деде Г. И. Чернышевского с отцовской стороны Василии Саввине, которому внук был обязан своей ранней биографией, сохранились следующие сведения, датированные 1808 годом: «Священник Василий Саввин, 63 лет. Из великороссиян того же села <Студёнки>, диакона Саввы Васильева сын. Посвящён был к сей <Знаменской> церкви в диаконы в 772 году на место умершего отца своего Палладием Рязанским и во священники к сей же церкви в 775 году Симоном Рязанским на место умершего священника Василия Ульянова. Родства при оной церкви имеет дьяконом брата, сына дьячком». Савва Васильев, отец Василия Саввина, был сыном дьячка из села Покровское Пензенской губернии. Жена Василия Саввина – Татьяна Михайлова. По ревизским сказкам 1795 г. ей было 50 лет. В клировых ведомостях 1809 г. священник Василий Саввин числится умершим с 1809 г., а по данным 6-й ревизии (1811) он умер в 1808 г. Упомянутого в документе брата звали Алексеем (род. 1749).²¹

Василий Саввин и его сын Иван, как показывают первоисточники, родились в селе Студёнки. Год рождения Ивана – 1763, в Чернышово переехал в 15-летнем возрасте. Таким образом, уточняется укоренившееся в биографической литературе²² представление о Чернышово как месте происхождения рода Г. И. Чернышевского. Таким местом было село Студёнки.

Студёнки находилось в 130 верстах от Пензы и в 1809 г. состояло из 70 дворов, а Чернышово – в 120 верстах и насчитывало 250 дворов. Церковь в Студёнках называлась Знаменской, в Чернышово – Архангельской. Из документов видно, что Архангельская церковь («деревянного здания») построена в 1712 г. и освящена в 1713.²³ С той поры село Чернышово часто именовали Архангельским. Оно стояло на берегу речки Сюверни и имело еще третье название – Сюверня. В официальных бумагах так и писали: «Село Чернышово, Архангельское, Сюверня тож». Своё первоначальное название село, вероятно, получило от имени первопоселенца Чернышова, крепостного крестьянина графа Разумовского, купившего эти земли в начале XVIII в. В 1710 г. поселение насчитывало всего два двора, в 1714 – уже 20 дворов. Со временем фамилия Чернышовых исчезает.²⁴

Из документов видно, как трудно и сложно устраивалась судьба детей, внуков и правнуков главы рода дьячковского сына Саввы Васильева, дьякона затерянного в глухомани небогатого села, места, подобного тому, о котором Н. Г. Чернышевский сказал по поводу жительства своего прадеда с материнской стороны: «глухая глушь среди глухого края» (1, 220). Лишь очень немногим удавалось добиться должности священника – самое большое, на что могли рассчитывать неимущие служители религиозного культа, по своему экономическому и юридическому положению сливавшиеся с разночинцами. Дореволюционный историк писал, что во второй половине XVII в. в духовное звание нередко вступали «люди даже и несвободных состояний», а «помещики имели у себя священно-церковнослужителей часто из своих же крестьян».²⁵ Шансы повышались у тех, кто получал семинарское образование. Но такая возможность появлялась очень редко и ещё реже попадавшие в семинарию могли благополучно окончить курс. Однако постоянная материальная нужда, незнатность происхождения, отсутствие привилегий вырабатывали характерную для разночинцев жизненную стойкость, трезвое отношение к жизни. Не случайно один из дореволюционных исследователей писал о Н. Г. Чернышевском: «В нём преобладала одна черта, которую всего лучше можно охарактеризовать поня-

²¹ ГАПО. Фонд 182. Опись 1. Дело 270. Л. 149; Д. 566. Л. 496; Д. 593. Л. 486.

²² Чернышевская. С. 44. См. также: Чернов С. Н. Примечания // I, 807.

²³ ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 593. Л. 469, 487.

²⁴ Чернышевский. Вып. 7. С. 159–160.

²⁵ Кедров Н. Духовенство и воинская повинность // Русский архив. 1888. № 5. С. 0129.

тием „здорового смысла”». ²⁶ Из поколения в поколение переходила выковываемая в постоянной борьбе за существование воля, привычка полагаться только на себя, упорное стремление улучшить свою жизнь. Это отчётливо проглядывает в настойчивых попытках сельских священнослужителей дать своим детям семинарское образование. Такую заботу энергично проявили два сына Саввы Васильева – Василий и Алексей, причем наиболее успешными оказались дети первого. Из многочисленной семьи священника Василия Саввина в семинарии учились Марк и Никанор. Именно ему, Василию Саввину, принадлежала решающая роль и в судьбе его внука Гаврилы.

2. Родители

О своём отце Чернышевский отзывался с неизменным уважением. Убедительным и достаточным доказательством служит, к примеру, дарственная надпись на книге о выдающемся немецком просветителе и мыслителе XVIII столетия Лессинге: «Милому папеньке от безконечно обязанного, всем обязанного сына». ²⁷ Автограф относится к 1857 г., когда не могло быть речи об идейных связях с отцом-священником. Идейных – нет, но духовных, нравственных – на всю жизнь. Надпись – прежде всего свидетельство благодарности за полученные знания, за предоставленную возможность получить университетское образование, стать писателем. Ею как бы завершался круг влияния, сильного и продолжительного в былые годы. Сын на дороге давно желаемой просветительской деятельности, наполнившей и подчинившей теперь его жизнь, и этим «всем» он, по глубокому искреннему убеждению, бесконечно обязан отцу.

Путь самого Гаврилы Ивановича к знаниям был нелёгким, а последующее служение алтарю далеко не безоблачным. Необходимо выявить все эти подробности, чтобы вполне обозначилась фигура человека, признательность к которому у Чернышевского столь выразительна.

О времени и обстоятельствах поступления Гаврилы Ивановича в семинарию широкое хождение получило перекочёвывающее из книги в книгу и основанное на устных рассказах сообщение одного из первых биографов Чернышевского Ф. В. Духовникова. Вот этот «первоисточник»: «Гавриил Иванович Чернышевский был сыном дьякона. Мать его, вдова, не имея возможности не только воспитать, но и кормить сына, привела его в грязных лаптях к тамбовскому архиерею и, поклонившись, по обычаю того времени, преосвященному в ноги, со слезами на глазах высказала ему своё горе и просила его принять участие в сыне. Осмотревши мальчика, преосвященный велел своему лакею обрезать грязные мохры онуч, отчего мальчик расплакался. Из жалости преосвященный велел принять его, безграмотного, на казённый счёт в тамбовское духовное училище. Учился Гавриил Иванович хорошо и переведён был в 1803 г. в Пензенскую семинарию». ²⁸

Архивные материалы ставят под сомнение многие факты в этом красочном и кажущемся убедительным описании. Приводим текст первого документа:

«Великому господину Преосвященному Феофилу епископу Тамбовскому и Шацкому и Кавалеру Чембарской округи села Студёнки ученика философии Никанора Студенского всепокорнейшее прошение.

Находится у родного моего брата той же округи села Чернышова диакона Ивана Васильева сын Гавриил, который российской грамоте обучен и желает обучаться в семинарии Вашего Преосвященства преподаваемым в оной наукам. От роду ж ему десятый год. Того ради, Ваше Преосвященство, всепокорнейше прошу сие моё прошение принять и на сем моём прошении учинить милостивейшую Архипастыря моего резолюцию. Генваря дня 1803 года. Писал

²⁶ Россов Н. Н. Г. Чернышевский // Сар. вестник. 1909. № 228. 17 октября. С. 2.

²⁷ Чернышевский Н. Г. Лессинг, его время, его жизнь и деятельность. СПб., 1857. Книга с автографом хранится в саратовском музее.

²⁸ Воспоминания (1959). Т. 1. С. 25.

сие прошение я, ученик философии Никанор Студенский». Сверху рукою епископа написано: «1803 года генваря 9 дня. Консistorии приказать семинарскому правлению сие рассмотреть и решить по надлежащему. Феофил епископ Тамбовский». Неделю спустя консистория (епископская канцелярия) вынесла решение: «Объявить просителю, чтоб о принятии племянника в семинарию просил сам отец подлинной за подписанием присутствующих». Ниже расписка: «В слышании сего журнала и в исполнении оногo подписуюсь. Ученик философии Никанор Студенский».²⁹

Однако через четыре дня Студенский повторяет попытку, и 22 января консистория вновь отказала: «Поелику племянника его по принятии в семинарию не он содержать будет, а отец его, следовательно и просьбу надлежит употребить необходимо ему самому».³⁰

24 января епископ получил новое «всепокорнейшее прошение», на этот раз исходящее от священника Василия Саввина, «Имею я у себя, – писал священник, – сына родного той же округи в селе Архангельском Сюверня тож диакона Ивана Васильева, который, сделавшись весьма болен, просил меня сына его родного, а моего внука Гаврилу представить к лицу Вашего Преосвященства на благоусмотрение для принятия в семинарию ко обучению преподаваемым в оной наукам, которому от роду десятый год, посему я представляю его при сем. Вашего Преосвященства милостивейшего Архипастыря всеpokорнейше прошу оногo внука моего в семинарию Вашего Преосвященства принять и о сем прошении учинить милостивейшую Архипастыря моего резолюцию. Генваря дня 1803 года. К сему прошению села Студёнки Знаменского священник Василий Саввин руку приложил». Епископ велел «рассмотреть и решить по надлежащему». К «Делу» приложена справка, по которой «диаконов сын Гаврила Иванов в ревизских 1795 года сказках показан двух лет, а ныне ему десятый год». 30 января тамбовская консистория распорядилась «просителя в внука» отослать в семинарское правление для экзаменовки. В присланном 5 февраля рапорте сказано: «Как просителен внук в российском чтении оказался не худ, то принять его в семинарию и ввести в класс по надлежащему». Рапорт подписан ректором семинарии Гаврилом Шиловским и префектом Яковом Богдановым.³¹

Итак, поступлению Гаврилы Ивановича в семинарию содействовали не его мать и даже не отец, в то время болевший, а дядя Никанор Студенский и дед Василий Саввин. Важна ещё одна деталь: вовсе не безграмотным явился мальчик в семинарию, он обнаружил вполне достаточные для зачисления в начальные классы знания.

В 1803 г. Гаврила Иванович получил и свою фамилию, которая в духовных учебных заведениях давалась зачастую по наименованию места, откуда прибывал поступающий. Никанор, сын Василия Саввина, был родом из села Студёнки, отсюда – Студенский. Гаврила, родившийся в селе Чернышово, стал называться Чернышевским.

В позднейших послужных списках Г. И. Чернышевского зачисление в семинарию помечено 9-м мая 1803 г.,³² а не 5 февраля. Это вполне согласуется с правилами приёма, обычно проводимого в конце учебного года. И если Василий Саввин и его сын Никанор выступили с ходатайствами, минуя правила, то к этому их побудили какие-то крайние обстоятельства – может быть, обострившаяся болезнь дьякона Ивана Васильева. Сложнее объяснить другое: в формулярах Г. И. Чернышевского указано, что 9 мая 1803 г. он поступил в Пензенскую семинарию, а не Тамбовскую, и никаких пометок о перемещении, обязательных в подобных случаях, документ не содержит. Вероятно, Никанор Студенский привёз десятилетнего племянника в Тамбовскую семинарию, потому что учился здесь сам. Однако в 1803 г. с открытием Пензенской епархии и узаконением её территории духовные лица получили распоряжение

²⁹ ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 437.

³⁰ Там же. Д. 414.

³¹ Там же. Д. 438.

³² ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 23. Л. 5. Данные о службе Г. И. Чернышевского приводятся в дальнейшем из этого источника.

направлять своих сыновей только в местные учебные заведения. Так Гаврила Чернышевский стал учеником Пензенской семинарии.³³

Гаврила Иванович прошёл полный курс семинарского обучения. В начальных классах, как это видно из его послужного списка, он изучал российскую и латинскую грамматику, арифметику, священную и всеобщую историю, географию. Особое внимание уделялось латинскому языку: в высших классах по-латыни (до 1840 г.) преподавались основные курсы – философия и богословие. Изучались также основы российской и латинской поэзии, а из языков – греческий и французский. Время летело быстро – в упорных занятиях и чтениях. Семинария имела собственную, довольно обширную по тому времени (до 1000 названий) библиотеку. В архиве сохранился каталог библиотечных книг, неполный, к сожалению, и, помимо разделов математических, естественных, географических, врачебных наук, языковых отделов (учебники, хрестоматии и лексиконы), здесь находится значительный перечень периодических изданий. Для своих воспитанников епархиальное начальство выписывало в первую очередь «Беседы с Богом» (М., 1787), «Размышления о делах Божиих в царстве природы и провидения» (М., 1787–1788) и другие издания духовно-церковного назначения. Но не только это. Среди названий – «Ежемесячные сочинения и известия об учёных делах» (1763–1764), «Академические известия» (М., 1779–1781), «Записки и труды общества истории и древностей Российских» (СПб., 1815), «Труды Вольного Экономического общества» (СПб., 1775), «Энциклопедия» (М., 1815, на франц. яз.), «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» (СПб., 1805, 1807, 1811). Кроме того в семинарской библиотеке были «Политический журнал» (за 1794–1799, 1802 гг.) и целый ряд известных журналов XVIII – начала XIX столетий: «Вечерняя заря» (1782), «Вестник Европы» (1803, 1809, 1811–1830), «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789), «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755, 1757), «Почта духов» (1789), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794–1798), «Русский вестник» (1808–1810), «Утренний свет» (1779–1780).³⁴ Полтора года (с 11 марта 1817 по 3 июля 1818 г.) Г. И. Чернышевский заведовал семинарской библиотекой, и для него не было недоступных книг и журналов. К тому же ректор семинарии архимандрит Аарон и особенно профессор гражданской истории В. Мерцалов поощряли систематическое чтение и образование. Не случайно современники вспоминали о Гавриле Ивановиче как человеке начитанном и образованном.

Незаурядные способности, прилежание и трудолюбие Гаврилы Чернышевского скоро обратили на себя внимание профессоров. Ещё будучи студентом выпускного богословского курса, он по представлению семинарского правления 17 апреля 1812 г. становится «учителем низшего греческого класса». Преподавателей греческого языка не хватало, и если на эту должность выдвигался старший семинарист, то это был лучший и примернейший воспитанник.

По окончании учебного курса Гаврила Иванович отклонил уготованное ему отцовское место сельского дьякона. Н. Г. Чернышевский свидетельствовал со слов отца, что бабушка, т. е. мать Гаврилы Ивановича, «в минуты грусти или дурного расположения» «горевала, что папенька не хотел выходить из семинарии, чтоб занять дедушкино дьяконское место» (1, 78). Перед способным юношей открывались более привлекательные перспективы. 15 мая 1814 г. он принимает должность сениора – старшего помощника профессора семинарии, спустя два года (18 декабря 1816) – учителя низшего пиитического класса («Учитель поэзии» – так для

³³ Семинария размещалась в Пензе с 1800 г. как учебное заведение учреждённой в 1799 г. Саратовской епархии и первоначально называлась Саратовской (см., напр., журналы пензенской духовной консистории за 1802 г. – ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 375 и 375а). Так получилось потому, что первый епископ Гай недолго прожил в Саратове и переехал в Пензу, сославшись на отсутствие подходящих зданий для центральной духовной администрации. С 1803 г. епископы стали называться пензенскими и саратовскими, семинария – Пензенской. – См.: Леопольдов А. Открытие Саратовской епархии // Сар. еп. вед. 1865. 1 июня. № 1. С. 22.

³⁴ ГАПО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1178.

краткости обозначали эту должность), а ещё менее чем через полгода – библиотекаря семинарии с сохранением всех прежних поручений.

В 1817 г. произошло событие, которое могло существенно изменить жизнь молодого преподавателя семинарии. Пензенский губернатор М. Сперанский, видный государственный деятель, временно находившийся в опале, обратился к епископу с просьбой порекомендовать кого-либо из лучших выпускников семинарии для службы в его канцелярии. Ему назвали Г. И. Чернышевского и К. Г. Репинского, «но первый, кажется, – писал в воспоминаниях племянник Гаврилы Ивановича А. Н. Пыпин, – усомнился отправиться в далёкое путешествие, а Репинский поехал, и отсюда началось его служебное поприще, завершившееся впоследствии сенатом».³⁵ По всей вероятности, всё же не боязнь путешествия в Сибирь, куда М. Сперанский отправлялся губернаторствовать, явилась причиной отказа от многообещающего предложения. В воспоминаниях А. Е. Пыпиной находим другое объяснение. По её словам, Гаврила Иванович «за год или за два» до переезда в Саратов «имел предложение Сперанского ехать с ним в Петербург, которое и принял, но мать, узнав, решительно воспротивилась этому и убедила отказаться, что он и сделал, отрекомендовав Репинского, а сам остался при семинарии до времени, когда будет хорошее место».³⁶ Козьма Репинский действительно дослужился до тайного советника и должности сенатора, продемонстрировав головокружительную карьеру.³⁷

В следующем 1818 г. Гаврила Иванович делает свой выбор – едет священником в Саратов. Всё произошло быстро и неожиданно. 3 и 4 мая 1818 г. члены пензенской духовной консистории заслушали содержание следующих документов, на которых уже стояла резолюция Афанасия, епископа Пензенского и Саратовского. Сначала разбирали извещение «саратовского протоиерея и благочинного Николая Скопина о смерти того ж города Сергиевской церкви протоиерея Григория Голубева и с приложением священнической грамоты и о дозволении протопопскую его грамоту оставить в роде для памяти». Резолюция его преосвященства гласила: «Рапорт принять к сведению, а грамоту уничтожить, протоиерейскую же грамоту для памяти оставить в роде». Затем слушали прошение вдовы «города Саратова умершего протоиерея Григория Голубева Пелагеи Ивановой о объявлении студентам, не пожелает ли кто из них поступить на место мужа её с взятием её дочери» и резолюцию епископа: «Объявить поэзии учителю». Консистория вынесла решение «объявить Его Преосвященства резолюцию учителю поэзии по надлежащему, для чего и дать в повытье с сего журнала копию».³⁸

Документы уточняют бытующее в биографической литературе сообщение Ф. В. Духовникова, будто бы епископ «отрекомендовал на место Голубева Г. И. Чернышевского, желая угодить губернатору», приславшему письмо с просьбой назначить преемником Голубева «такого семинариста, который мог бы учить его детей».³⁹ Слова «дать в повытье с сего журнала

³⁵ Воспоминания (1982). С. 104.

³⁶ Лит. наследие. Т. I. С. 707.

³⁷ Козьма Григорьевич Репинский окончил Пензенскую духовную семинарию в 1816 г. 28 февраля 1817 г. взят М. М. Сперанским в государственную службу и определён в его канцелярию с чином губернского регистратора. 27 мая 1819 г. он отправился в Сибирь к месту новой службы М. Сперанского, а через два года (28 июня 1821) в составе его же канцелярии приехал в Петербург, где М. Сперанский стал генерал-губернатором. В 1822 г. К. Репинский получил чин губернского секретаря и должность столоначальника сибирского комитета в канцелярии Главного Петербургского Управления Восточной Сибири. В 1823 г. он уже коллежский секретарь, в 1825 – титулярный советник, в 1826 – коллежский ассессор и назначен помощником 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии. В 1831 г. получает чин надворного советника и награждён орденами Св. Анны 3 и 2 степеней и Св. Владимира 4 степени. В 1833 г. произведён в коллежские советники и получает орден Св. Анны 2 степени с короною, в следующем году становится старшим чиновником во 2-м отделении. В 1837 г. пожалован в статские советники и участвует в качестве производителя дел в комитете об устройстве столичной полиции, в 1841 г. он уже действительный статский советник и вскоре – начальник 2-го отделения царской канцелярии. В 1854 г. произведён в тайные советники, получает еще ряд орденов, 1800 десятин земли, а в 1856 г. ему высочайше велено присутствовать в правительствующем сенате (ГАСОФ. 407. Оп. 1. Д. 1994а).

³⁸ ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 818. Л. 397 об., 402 об. – 403.

³⁹ Воспоминания (1959). Т. 1. С. 25.

копию» указывают, что, прежде чем последовала епископская резолюция – «объявить поэзии учителю», т. е. Г. И. Чернышевскому, – существовала просьба последнего, направленная начальству после объявления прошения Голубевой, и эта просьба была удовлетворена. Таким образом, подтверждаются слова Н. Г. Чернышевского, обычно ускользавшие от внимания биографов, что учитель Пензенской семинарии сам пришёл к архиерею «просить разрешения жениться на старшей дочери Егора Ивановича Голубева» (XII, 491). Кстати сказать, письмо саратовского губернатора А. Д. Панчулидзева к пензенскому епископу не значится среди документов, поступивших в консисторию или на имя преосвященного в 1818 г.

Дело Г. И. Чернышевского совершалось в строгом соответствии с тогдашними узаконенными церковью обычаями. Если умирал священник, имеющий в церкви приход, то преемник занимал место не иначе, как женившись на его дочери. Не имел умерший дочерей – новопришелец обязан был принять на себя часть забот по содержанию его семьи. Зачисление отцовских мест за вдовами и сиротами-невестами духовного звания имело целью их материальное обеспечение. Вместе с тем подобное закрепление превращалось для молодых священнослужителей в настоящую кабалу (только в 1873 г. были отменены эти суровые правила).

Причисление к Сергиевской церкви Гаврила Иванович счёл хорошим предзнаменованием. Искренне преисполненный самых благостных надежд и ожиданий, он вскоре после совершения обряда возведения в священнический сан записал на отдельном листочке, вшитом им затем в свой молитвенник: «Родился я, по словам матушки Евдокии Марковны, 1793 года июля 5 дня утром, что было во Вторник, на память преподобного Сергия, Радонежского Чудотворца, в храме коего Бог сподобил меня быть и служителем себе во благое мне, – служителем святых, пренебесных и достопоклоняемых таинств его, в каковую и должность вступил 5-го же июля 1818. – Дай Боже Великий, чудный в делах промышления Твоего, но редко познаваемый в путях сих, благочестиво и кончить начатое во славу Трисвятого Имени Твоего, молитвами пресвятого Сергия, Радонежского Чудотворца...»⁴⁰ всю жизнь свою до смерти в 1861 году Гаврила Иванович будет верен этим клятвенным заверениям служить Богу, служить глубоко сознательно, самозабвенно.

При этом религиозная исступленность и нетерпимость, фанатизм были чужды его душе. Он искренне считал религию благотворным источником высокой нравственности, гуманности и добра. Один из современников, близко знавших семью Чернышевских, отзывался о Гавриле Ивановиче так: «Много я на своём некоротком веку видел достойных служителей алтаря Господня, но образ этого человека оставил в душе моей самые глубокие следы. То был глубоко и горячо верующий христианин, то была воплощённая кротость».⁴¹ И ещё одно свидетельство, принадлежащее бывшему ректору Саратовской духовной семинарии в 1858–1864 годах: «Это был один из самых религиозных священников, каких на своём веку я знал. Назвать хотя бы ту редкость, что, будучи уже довольно глубоким старцем, каким я его знал, он ежедневно бывал у всех церковных служб в соборе, от которого жил неблизко, когда от дома своего должен был взбираться к собору на весьма высокую гору, к чему кафедральный протоиерей нимало не обязуется».⁴²

Попытки обойти или заглушить эти черты личности Г. И. Чернышевского нельзя признать объективными. Обычно ссылаются на строки из биографической статьи о Н. Г. Чернышевском, напечатанной в «Колоколе» в 1864 г.: «Это был – не поп, или, по крайней мере, очень мало поп». При этом считается, что в основе статьи в «Колоколе» лежат рассказы А. Н. Пыпина.⁴³ Между тем последний не мог быть автором или соавтором приведённой из «Коло-

⁴⁰ Ляцкий Евг. Н. Г. Чернышевский в годы учения и на пути в университет // Современный мир. 1908. № 5. С. 47.

⁴¹ Палимпсестов Ив. Н. Г. Чернышевский. По воспоминаниям земляка // Русский архив. 1890. № 4. С. 554.

⁴² Сар. еп. вед. 1890. 15 августа. № 15. С. 608.

⁴³ Колокол. С. 1558. Воспоминания (1959). Т. 2. С. 6. Существует предположение (очень ненадёжное), что статья для «Колокола» составлена М. А. Вороновым (см.: Семёнова И. Е. Автор анонимной статьи в «Колоколе» о Чернышевском // Изв.

кола» характеристики Г. И. Чернышевского, и вот принадлежащие А. Н. Пыпину слова из его воспоминаний: «Это был человек глубоко благочестивый и, без сомнения, этому поприщу он придавал великое значение». ⁴⁴ Кто-то другой, но не А. Н. Пыпин, послужил источником сведения об отце Н. Г. Чернышевского, всякое искажённое мнение о котором препятствует правильному истолкованию отношений, какие сложились между глубоко религиозным отцом и его сыном.

Сразу же по приезде Гаврилы Ивановича в Саратов два человека обратили на него самые пристальные взоры – вдова протоиерея Голубева, которой было далеко не безразлично, кто войдёт в её семью и займёт место главы, и могущественный губернатор Панчулидзе, которому нужен был образованный домашний учитель, способный заменить умершего Егора Голубева.

Семья Голубевых к моменту появления Гаврилы Чернышевского была сравнительно немногочисленной: вдова Пелагея Ивановна, её незамужняя тогда сестра Анна и две дочери – старшая Евгения (род. 30 ноября 1803 г.) и Александра (1806–1884). Невесте шёл всего пятнадцатый год, но юный возраст не мог служить препятствием к браку. К юной жене Г. И. Чернышевский отнёсся с величайшей нежностью и вниманием. Одна из родственниц вспоминала: «Женившись на Евгении от 22 июня Егоровне, Гаврила Иванович берёт её как ребенка, пока она не выросла в девушку, хотя и хрупкого сложения, но всё же достигшую своего полного физического развития». ⁴⁵

7 июня 1818 г. состоялось венчание молодых. Затем он уехал в Пензу за новым назначением. Сохранились два его письма к Пелагее Ивановне Голубевой, характеризующие его самого и тогдашние отношения в епархии. «Сердечному другу моему милой Евгении Егорьевой, – писал он 17 июня 1818 г., – посылаю коробку поцелуев; пусть возьмёт оттоле, сколько ей угодно, а лучше бы для меня было, ежели все. Любезнейшей сестрице Александре Егорьевой моё сердечное желание быть здоровою. Наконец, от чистого сердца пожелав Вам, маминька, и всем доброго здоровья и радования сердечного, есть Ваш послушнейший сын Гавриил Чернышевский». В следующем письме от 22 июня описывалась не без юмора встреча с епископом: «Во время благовесту, к вечерни, прихожу в архиерейский дом, куда плыла за мною и рыба, присланная в подарок от Петра Архиповича и Марфы Ивановны, – докладывают ему обо мне, – выходит – видит две рыбы и говорит: на что это. Я говорю, Пётр Архипович и Марфа Ивановна Зотовы прислали в гостинец Вашему Преосвященству. – Благодарю покорно, потом подаю ему в руки наш подарок и в ответ получил: напрасно беспокоитесь, однако ж взял, сказав *спасибо*, посем спросил меня, произвёл ли я дело в консистории. Я говорю: я вчера только приехал: совершить оное было некогда, посем прошу его посвятить меня поскорее, упомянув, что в той церкви, к которой я произвожен, 5 июля праздник храмовый, на сие получил в ответ: я на этой неделе служить не буду, потому что на следующей много праздников, мне часто служить трудно <...> Я от архиерея – во вторник, произвёл в консистории дело, в среду внёс к архиерею, теперь завтрашнего дня дожидать». ⁴⁶ 24 июня совершено рукоположение Г. И. Чернышевского «во иереи у Сергия». ⁴⁷ 5 июля, в день своего рождения, он вступил в должность.

Сергиевская церковь, считавшаяся одной из лучших в Саратове, построена в 1767–1770 гг. В 1818 г. в её приходе числилось 180 дворов (немногим более полутора тысяч человек). ⁴⁸ Расположена она в зажиточной купеческой части города, и приход давал священнику необходимый достаток. Егор Иванович Голубев (ум. 20 апреля 1818 г.) «был человек честный,

АН СССР. ОЛЯ. 1962. Вып. 2. С. 143–146).

⁴⁴ Воспоминания (1982). С. 110.

⁴⁵ Свидетельство Виктории Ивановны Пыпиной. (См.: Ляцкий Е. Чернышевский в годы учения. С. 49).

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 29. Л. 1–4.

⁴⁷ Ляцкий. Евг. Н. Г. Чернышевский в годы учения. С. 49; Чернышевская-Быстрова Н. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1933. С. 19.

⁴⁸ Юдин П. Н. Г. Чернышевский в Саратове // Исторический вестник. 1905. № 12. С. 867.

учёный и любимый многими», – писал его сослуживец Н. Г. Скопин и прибавлял: «Умел очень хорошо вкрадываться в людей, от чего многие звали его „русским иезуитом”. Дом имел каменный и оставил довольно денег». ⁴⁹ Всего за четыре года до кончины он по ходатайству губернатора Панчулидзева был произведён в сан протоиерея «в рассуждении, – гласила резолюция епископа, – учёности, благонравия, рачительного исполнения возлагаемых должностей и одобрения многих достопочтеннейших особ о похвальной жизни». ⁵⁰

Гаврила Иванович сразу же зарекомендовал себя человеком высоких нравственных убеждений и правил. Представители духовенства не часто являлись людьми действительно достойными. Иные, имевшие приход в церкви, беззастенчиво обирали прихожан; другие, особенно в сёлах, успешно упражнялись в искусстве взяточничества; бывало, прибегали к воровству или даже насилию – но самым распространённым пороком было пьянство. Пьяный поп стал явлением заурядным, привычным. Не случайно в 1819 и 1821 гг. по специальным распоряжениям церковных властей отбираются по всем епархиям от духовных лиц подписки «сохранять себя в трезвости и благонравии, гнушаться пороков, в особенности пьянства». ⁵¹

В семье Голубевых вполне оценили нравственные качества, кроткий характер и трудолюбие Гаврилы Ивановича, особенно Пелагея Ивановна, женщина властная и строгая, «неумолимая порицательница, казнительница безнравственности» (XV, 218). Зять ни в чём не перечил ей, не вмешивался в хозяйственные и домашние дела, полностью углубившись в церковные и служебные заботы. Евгении Егоровне было 22 года, когда у неё родилась дочь Пелагея, умершая в младенчестве, и около 25 лет, когда родился сын Николай. Евгения Егоровна умерла в 1853 г., не дожив полгода до своего пятидесятилетия. Она не отличалась крепким здоровьем. Вскоре после рождения сына она несколько лет мучилась какою-то болезнью, о которой Н. Г. Чернышевский писал: «С тех пор, как помню мою матушку, я помню её беспрестанно страдающую мучительною болью – то в правом боку, то в голове, то в груди, то в правой ноге» (I, 599–600). Один из знакомых врачей исцелил её от этой болезни, но она «всё-таки осталась довольно хилою» (I, 621).

Характер свой и образ жизни Евгения Егоровна унаследовала от матери, «типической суровой женщины старого века». ⁵² Мужчины не играли в семье Голубевых ведущей роли, и очень скоро Гаврила Иванович оказался в подчинённом положении. По-видимому, он и не стремился к главенству и не протестовал против женского всевластия. «Что Евгения Егоровна скажет, то Гаврила Иванович и выполняет», – вспоминала Е. Н. Пыпина. ⁵³

Новый священник пришёлся вполне и к губернаторскому дому. Как вспоминали очевидцы, Панчулидзева, приглашённый Г. И. Чернышевским на свадебный обед, был приятно удивлён, когда молодой иерей приказал подать именно то недостающее блюдо, о котором жена

⁴⁹ Записки дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Николая Еерасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник. Саратов, 1891. С. 543.

⁵⁰ ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 680. Л. 431–431 об.

⁵¹ Минх А. Н. Быт духовенства Саратовского края в XVIII и начале XIX столетий // Труды СУАК. Вып. XXIV. 1908. С. 60. Известен особый указ, отпечатанный в Петербургской синодальной типографии в 1820 г. под названием «О предосудительных, противозаконных и непристойных поступках, учинённых в разные времена в церквях во время служения и вне оного духовными лицами, и какому они за сие подвергнуты гражданским судом наказанию». В этой «повести о проступках духовных лиц», содержащей описание многочисленных случаев нарушения «трезвости благонравия», приведён и такой пример из саратовской жизни. Дьячок Илья Еврилов села Поповки Саратовской округи Пензенской епархии во время совершения священником Леонтьевым в церкви брака, «взяв с наложной большой тресник, бросил оный в священника, который тогда пошёл в алтарь, а пономарь Никита Трофимов, взяв его, священника, за волосы, повалил на пол и сам с ними пал». «За каковые поступки помешательство совершению брачного таинства учинившие, они, дьячок и пономарь, по решению правительствующего сената принуждены к наказанию плетью с дачею каждому по 25 ударов и к обращению в военную службу, а в случае неспособности к оной – к ссылке в Сибирь на поселение». (См.: Дмитриева Л. Скорбные страницы в истории нашего духовенства // Исторический вестник. 1910. № 7. С. 199).

⁵² Воспоминания (1982). С. 103.

⁵³ Чернышевская. С. 49. См.: Беседы о прошлом: Рассказы Е. Н. Пыпиной в записях Н. М. Чернышевской. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983.

губернатора сказала мужу по-французски.⁵⁴ Присутствие губернатора на свадьбе явилось знаком особого начальственного благоволения. Убедившись в образованности и скромности ново-прибывшего, Панчулидзеv доверил ему воспитание своих детей.

Губернаторское внимание было залогом будущих успехов по службе. И действительно, карьера Г. И. Чернышевского быстро пошла в гору. 6 октября 1818 г. он приглашён начальной публичного пансиона благородных девиц Троппе на преподавательскую должность, которую занимал в течение трёх последующих лет.⁵⁵ 1 апреля 1819 г. Гаврила Иванович определён увещателем по саратовским присутственным местам, а 25 января 1820 г. принял новое назначение учителя высшего отделения Саратовского духовного училища с поручением преподавать греческий язык, священную историю и арифметику.

Саратовское духовное училище открылось в воскресный день 25 января 1820 г. Мысль основать в Саратове учебное заведение, которое готовило бы церковных служителей для нужд обширной губернии, давно уже зародилась у начальствующих духовных особ, и епископу Амвросию после почти 20-летних безуспешных попыток его предшественников удалось основать училище. Особу епископа на церемониале открытия училища представлял ректор Пензенской семинарии Аарон, помнивший Гаврилу Чернышевского как своего лучшего ученика. По примеру уже существующих в России училищ Саратовское было наименовано уездно-приходским. Училище открылось при 186 учениках, высшее отделение, где преподавал Г. И. Чернышевский, поначалу насчитывало 28 человек.⁵⁶ Ректором назначили Н. Г. Скопина (1758–1830), протоиерея Саратовского кафедрального Александро-Невского собора. Воспитанник Астраханской семинарии и Московской духовной академии, Н. Г. Скопин вначале преподавал в Астраханской семинарии. В 1805 г. он перевёлся в Пензенскую епархию, и с января 1806 г. служил протоиереем Саратовского Троицкого собора.⁵⁷ Он очень скоро оценил способности Г. И. Чернышевского, и когда через два года после открытия училища быстро разраставшемуся учебному заведению выделили штатную должность инспектора, её предложили Гавриле Ивановичу. Так началось десятилетнее служение Г. И. Чернышевского на училищном поприще в качестве учителя и инспектора.⁵⁸

К сожалению, до нашего времени дошли очень немногие материалы, которые помогли бы достаточно полно охарактеризовать эту важную в его жизни эпоху. Начальство не имело к инспектору каких-либо претензий, и в 1824 г. после ревизии, проведённой пензенской консistorией, ему объявлено семинарским правлением с утверждения епископа «одобрение за особенные труды и усердие в прохождении должностей при саратовских духовных училищах».⁵⁹ В том же году (с 10 мая по 28 сентября) он успешно исправлял должность ректора. В «Аттестате», полученном Г. И. Чернышевским 29 сентября 1830 г. и подписанном Н. Г. Скопиным, отмечено: «...Должности, занимаемые им при Саратовских духовных училищах, проходил:

⁵⁴ Воспоминания (1959). Т. 1. С. 26.

⁵⁵ Троппе официально свидетельствовала 21 октября 1821 г., что Г. И. Чернышевский «имел в преподавании <...> предметов успех похвальный» и что «прилежанием его, так и его поведением всегда оставалась и остаюсь очень довольна» (РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 2).

⁵⁶ В 1822 г. число учеников уже доходило до 800 человек. (См.: Празднование 50-летия в Саратовском духовном училище 25 января 1870 года // Сар. еп. вед. 1870. 16 апреля. № 8. С. 226–227, 230.)

⁵⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 23. Л. 2. Также: Записки дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Н. Г. Скопина // Саратовский сборник. Саратов, 1891.

⁵⁸ Службу в училище Г. И. Чернышевский оставит в 1830 г. Текст прошения (автограф) гласит: «По случаю прохождения мною многих по Епархиальному ведомству должностей далее продолжить училищную службу не имею времени, а потому прошу меня от занимаемых мною по Саратовским духовным училищам должностей уволить и о службе моей снабдить меня аттестатом. Инспектор училищ и учитель высшего отделения уездного училища протоиерей Гавриил Чернышевский». На прошении удовлетворяющая просьба Г. И. Чернышевского резолюция епископа Мовсея датирована 10 октября 1830 г. (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 9. Л. 2).

⁵⁹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

инспекторскую *похвально*, учительскую *очень хорошо* с прилежанием *преизрядным* при поведении *добропорядочном*».⁶⁰

Училищная система обучения, основанная на схоластике и зубрёжке, особенно тягостно переносилась учениками ещё и потому, что была сопряжена с жестокой системой наказаний, следовавших даже за малые провинности. Наказывали обычно розгами – универсальное средство воспитания, к которому прибегали все педагоги. И не то чтобы сечение розгами «употреблялось» негласно, по инициативе учителей. Вовсе нет! Розги были узаконены высочайшей духовной властью, и обычно те из наставников оказывались на хорошем счету у начальства, кто чаще и охотнее прибегал к этому «первейшему средству для вразумления воспитанников». Трудно представить, чтобы инспектор и учитель Чернышевский вовсе отказался от освященной властью дисциплинарной формы устрашения. Однако, свидетельствует Иван Палимпсестов, учившийся у Г. И. Чернышевского, «по личному побуждению он никого не наказывал розгами и прибегал к этому наказанию только по распоряжению высшей власти <...>. Впоследствии, – говорит мемуарист, – мы лично слышали от него такое суждение: телесное наказание должно достигать своей цели не болью тела, а сознанием наказуемого, что он заслужил такое позорное наказание».⁶¹ Попытки «смягчить» в этом отношении биографию Г. И. Чернышевского, нельзя признать удачными.⁶² Конечно, розги есть розги, но всё же Гаврила Иванович отличался от учителей, которые секли своих питомцев только потому, что имели право сечь, и ученики, уже привыкшие к розгам, как привыкают к осенним дождям, всегда чутко различали, когда получали наказание по заслугам, а когда подвергались позорной экзекуции по простой прихоти и самодурству. «Строгий к самому себе, Гавриил Иванович как усердный и всегда исправный деятель отличался при этом ещё истинно дружеским и неподдельно добрым расположением ко всем и каждому, особенно к детям»,⁶³ – писали о нём в статье, посвящённой пятидесятилетию училища. И это были слова, отнюдь не приглаженные юбилейным глянцем: они отражали действительные черты личности Гаврилы Чернышевского как учителя. Вот почему он пользовался уважением со стороны учеников, оказывавших ему такие знаки внимания, которых не могли ждать другие преподаватели – даже под угрозой розог. Не приукрасить облик Г. И. Чернышевского только потому, что он был отцом великого писателя, а найти объективные характеристики, которые содержатся в критически оценённых первоисточниках – такова задача биографа, и то, что извлечено из глубины времени в рассказе об учительской деятельности Г. И. Чернышевского, вполне соответствует его нравственному облику педагога и человека – доброжелательного, требовательного, справедливого.

Наступил 1825 год, и радостный, и печальный. Прежде всего пришлось подумать о собственном доме – дело хлопотное и недешёвое. Семья Голубевых разрасталась. Вышла замуж за подпоручика Н. М. Котляревского младшая сестра Евгении Егоровны Чернышевской Александра, и в 1824 г. у них родилась дочь Любовь Николаевна.⁶⁴ К концу следующего года Александра Егоровна ждала второго ребёнка. Готовилась стать матерью и Евгения Егоровна, а Чер-

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 4.

⁶¹ Палимпсестов в И в. Н. Г. Чернышевский. С. 554–555.

⁶² Ср.: Захарова И. Е. Гавриил Иванович Чернышевский – представитель элиты провинциального духовенства первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02. Саратов, 2011. Здесь утверждается: «Особенно негативно относился к применению физических наказаний, широко распространённых в это время» (с. 19).

⁶³ Сар. еп. вед. 1870. 16 апреля. № 8. С. 230.

⁶⁴ В ответ на запрос Л. Н. Котляревской (Терсинской) Г. И. Чернышевский писал 30 октября 1831 г.: «... Вот некоторые очерки родства Н. М. Котляревского. Отец его, а твой, Любинька, дедушка, был священником в городе Бирюче Воронежской губернии. У папаша твоего были братья, но имена их я запомнил, припоминаю только, что один из них был штатской службы человек. У меня был письменный документ о родстве, только я не отыскал его. Н. М. Котляревский подпоручик 2-й бригады и в походе в 1828-м году в городе Фокшанах, что в Молдавии, волею Божию от тамошней лихорадки скончался 28 августа 1828 года и предан земле по христианскому обряду там же полковым священником» (РГАЛИ. Ф. 1. оп. 2. Д. 30. Л. 1).

нышевские всё ещё жили в голубевском доме.⁶⁵ Рядом, на соседней с Голубевыми усадьбе, находился деревянный дом дочери статского советника Е. Я. Мауриной. Ещё три года назад решено было купить этот дом, и 20 ноября 1822 г. была совершена купчая. Однако жить в нём, старом и ветхом, не годилось для преуспевающего священника, и Гаврила Иванович, сломав приобретённый дом, заказал городскому архитектору другой, который предполагалось выстроить окнами на Большую Сергиевскую улицу.⁶⁶

Новый дом ещё не был выстроен, как на семью Чернышевских обрушился удар: умерла, не прожив и трёх недель, дочь. Она была первенцем, и горем придавлены слова, которые читаем в молитвеннике Гаврилы Ивановича: «7-го сентября 1825-го года в два часа и тридцать пять минут утра родилась дочь Пелагея: погода была сырая; и крещена 8-го числа в три часа утром мною: мороз и ясная погода. – Скончалась 25-го в пять часов пять минут пополудни».⁶⁷

Через месяц (11 октября) 32-летний священник Чернышевский торжественно возведён епископом Авмросием в сан протоиерея; через год семья въехала в новый дом, известный ныне как музей Н. Г. Чернышевского; 12 июля 1826 г. Чернышевский назначается членом высшей в Саратове духовной власти – духовного правления.⁶⁸ Все эти новые обязанности, вкупе с училищными и службой в Сергиевской церкви, требовали времени и времени, и Гаврила Иванович гасил только что перенесённое горе в работе. Авторитет его как человека безукоризненной честности и порядочности рос с каждым годом. Прихожане Сергиевской церкви не чаяли души в своём пастыре, всегда чутком, внимательном, добром и приветливым. «Бедные доверчиво ходили к нему за советом и помощью, – вспоминал один из современников, – в случае, когда им удавалось скопить трудами своими сотнягу-две рублей, они несли деньги к тому же Гаврилу Ивановичу, который хранил их свято; таких денег, после смерти почтенного старика, нашлось довольно много».⁶⁹ «Человек умный, добрый, – писал об отце Чернышевский, – отрёкся от всего для пользы ближних, неутомим в заботе о них» (XII, 503).

Вскоре деятельность протоиерея Чернышевского распространилась и на губернию. Как член духовного правления он был назначен к губернатору (им с 1828 г. стал Александр Борисович Голицын) депутатом с духовной стороны для увещания раскольников. Раскольники преследовались государством и церковью как люди, подрывающие основы христианской религии. Они организовывали различные религиозные секты, имели в 1820-х годах в Саратовской губернии четыре монастыря, более полусотни часовен. Всего раскольников числилось тогда по губернии около 40 тысяч человек. Это была сравнительно большая цифра, обязывающая слуг православия к постоянной пропагандистской, миссионерской деятельности.

Наиболее известными и распространёнными на Саратовщине были секты поповцев, поморцев, молокан и спасовцев. Почти все они отвергали современные христианские молебные книги и иконы, поклоняясь только иконам старой живописи и почитая достоверными только книги старинной печати и старинные рукописные религиозные фолианты. Поморцы, например, на молитвах никогда не поминали имя царя. Исповедующие спасовщину и молокане отвергали таинства крещения и причащения. Некоторые из поморцев сорганизовывались в самостоятельные секты субботников, члены которой следовали иудейской религии. Не поддерживая единой православной веры, раскольники подрывали один из основных догматов

⁶⁵ Этот кирпичный двухэтажный дом приобретён Егором Голубевым в 1801 г. с аукционного торга по купчей у купца П. А. Трумпичкого (архив музея Н. Г. Чернышевского. ОФ. № 3606). Находится на усадьбе музея как «Дом Пыпиных».

⁶⁶ В музее Н. Г. Чернышевского хранится «План с фасадами на построение деревянного на каменном фундаменте дома с таковым же флигелем и воротами», датированный 13 августа 1825 г. и утверждённый А. Д. Панчулидзевым. На обратной стороне документа пометка: «1826 года июля 1-го дня сей план в Саратовской градской полиции явлен и в книгу под № 12 записан и для такового ж предъявления и наблюдения за выстройкою во 2-й города части выдан». (Дьякова Е. П. История дома Н. Г. Чернышевского до основания в нём музея (1822–1920) // Звенья. 1950. № 8. С. 578–582.)

⁶⁷ Ляцкий Е. Н. Г. Чернышевский в годы учения. С. 50.

⁶⁸ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

⁶⁹ «Колокол. С. 1558.

российского государства. Со временем они становились все более заметной и усиливающейся оппозиционной политической силой и потому подвергались гонениям как со стороны государственной власти, так и со стороны церкви. Не случайно почти все революционные партии всегда учитывали в борьбе с самодержавием силу раскольнического движения. «Движение это, – писал В. Бонч-Бруевич, – полное сильного протеста, было весьма интересно, оригинально и являло собой новое доказательство жизнотворчества русской народной крестьянской массы».⁷⁰

Ближайшим поводом для новых и новых притеснений раскольников служили обыкновенно основанные на грубом суевении многочисленные акты самоубийства или насильственной смерти. Так, в 1827 г. один из старообрядцев-суеверов зарезал несколько человек, добровольно подвергшихся мученической смерти, чтобы скорее войти в царство небесное.⁷¹ В 1828 г. Г. И. Чернышевскому пришлось соприкоснуться с другим ужасным последствием упорного невежества некоторых сектантов: на всю губернию нашумело дело о массовом самоубийстве 35 человек спасовой секты, находившейся в селе Копёны имения графини Гурьевой Аткарского уезда. Рассказы об этом событии «были еще свежи в начале моего детства», – вспоминал Н. Г. Чернышевский (I, 642).

Наставником копенских спасовцев был И. С. Бездельев, который жил в 30 верстах от Саратова в скиту Формозовского буерака. Со временем среди копенцев возникла самостоятельная группа во главе с семьей Юшковых (Юшкиных), которые в противовес Бездельеву, возглавлявшему надежды на «спасову милость», призывали к «самоубийственной смерти». Предсказывая близкое пришествие антихриста, Алексей Юшков пытался в 1802 г. осуществить массовое самоубийство, но местные крестьяне, не принадлежавшие к секте, помешали ему. Секта тогда же была разгромлена, а её глава арестован. А. Юшков отбывал ссылку в Аренбургской крепости на острове Эзель с 5 марта 1802 г.⁷² Отбыв наказание, 70-летний А. Юшков вернулся в Копёны после 1810 г. и 1819 г. или несколько позже вместе с одной своей последовательницей принял «самоубийственную смерть». По-видимому, это подняло упавшие с 1802 г. настроения сектантов, среди которых постепенно сложился новый руководящий центр во главе с И. Юшковым – сыном самоубийцы. В ночь на 1 марта 1827 г. он организовал и провел массовое добровольное убийство двух семей в 35 человек, полностью, от полугодичного ребенка до 70-летнего старика: у семи из них было перерезано, у остальных перерублено горло. 40 человек копенцев-спасовцев не повиновались И. Юшкову.⁷³

Миссионерские действия протоиерея Чернышевского, вносившего в грубые и беспощадные приемы гражданских и полицейских администраторов живое сочувствие и человечность обхождения, были столь успешны среди копенцев, что некоторые старообрядцы решились перейти в православную церковь и никаких беспорядков в связи с происшедшим в уезде не случилось. Все остальные поручения губернатора, относящиеся к раскольников, он исполнял не менее усердно. Высоко оценивая деятельность Г. И. Чернышевского, саратовский начальник губернии лично обратился 24 июня 1828 г. к епископу Иринею с просьбой «украсить благочестивого протоиерея присвоенною белому духовенству наградю камилавки».⁷⁴ Преосвященный не возражал, и Голицын обратился со своим ходатайством к обер-прокурору святейшего правительствующего синода князю П. С. Мещерскому, настаивая именно на ками-

⁷⁰ Бонч-Бруевич В. Новый опыт истории сектантства и старообрядчества в России // Современник. 1912. Кн. 8. С. 324.

⁷¹ Леопольдов А. Статистическое описание Саратовской губернии, в двух частях. СПб., 1839. С. 170.

⁷² Чешихин Е. Сектант Юшков // Русский архив. 1888. № 2. С. 313–314.

⁷³ Чернов С. Н. Примечания // I, 809. См. сведения о бытовой стороне саратовского раскола: Исторические очерки беглопоповщины на Иргизе в 1762–1866 годы // Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым. Т. П. Вып. V. Сочинение П. Любопытного. М., 1866. См. также: Леопольдов А. А. О расколе в Саратовской епархии // Труды СУАК. Вып. 23. 1903; Скворцов Г. А. О расколе // Труды СУАК. Вып. 32. 1915.

⁷⁴ По общему государственному законоположению духовенство в России разделялось на две категории: высшее (архиереи) и низшее (архимандриты, игумены, протоиереи, священники, дьяконы и пр.). Кроме того, духовенство делилось на белое и чёрное (принявшее монашество).

лавке, хотя Чернышевский «не имел ещё узаконенных лет на таковые награды». Упомянув о копёнском деле, губернатор писал, что «сей отличный протоиерей» «весьма много оказал опытов своего благоразумия и истинного сознания религии». 15 ноября Голицын получил уведомление о решении царя наградить Чернышевского бархатною фиолетовою скуфьею, поскольку синод «признал разновременным удостоить означенного протоиерея испрашиваемым ему знаком отличия». ⁷⁵

Христианское вероучение Г. И. Чернышевского среди раскольников и язычников продолжалось и в последующие десятилетия и особенно интенсивно при епископе Иакове, правившем саратовской епархией в 1832–1847 гг. Делом особой важности считал Иаков борьбу с расколом на Саратовщине и прибегал нередко к самым жестоким полицейским преследованиям упорствующих иноверцев. Как лицо подчинённое Гаврилу Ивановичу участвовал вместе со своим родственником протоиереем Ф. С. Вязовским во многих экспедициях Иакова. ⁷⁶ Однако суровость административных мер зачастую не вызывала в душе обоих протоиереев полного согласия. «Они оба, – писал Н. Г. Чернышевский, на глазах которого протекала миссионерская деятельность отца, – были люди искренно-верующие, конечно; но люди, не делавшие дурного. Через их руки проходило много дурных дел; они смягчали их, уничтожали их, сколько могли. Мало могли; мало; архиерей (Иаков) был осёл-фанатик; впрочем, даже и это не очень важно было; но дела о расколах, о ересь возникали и велись помимо архиерея и помимо всей духовной администрации саратовской епархии, и мало могли делать в защиту раскольников и тому подобных людей Фёдор Степанович и мой отец; но, что могли, делали» (XV, 250). Авторитетное свидетельство сына многое объясняет в характере этой стороны деятельности Гаврилы Ивановича, начало которой было положено в первые же годы его восхождения по ступеням церковной иерархии.

В послужной формуляр Г. И. Чернышевского в 1828 г. сделаны ещё два вписания. «Мая 21 по предположению преосвященного Иринейя, данному Пензенской духовной консистории, определён саратовским градским благочинным» – эту новую и очень почетную должность он исправлял 15 лет. Благочинный являлся прямым посредником между архиерейской властью и священниками города, и его первой обязанностью было наблюдение за поведением и нравственностью священнослужителей. Весьма показательно для характеристики Г. И. Чернышевского, что его назначение благочинным городских церквей состоялось вскоре после специ-

⁷⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 83.

⁷⁶ Представляет интерес документ от 12 апреля – 24 мая 1837 г., известный по копии Н. А. Алексева. Из него следует, что Г. И. Чернышевский представил епископу Иакову, а через него синоду записку с предложением ряда мер по борьбе с расколом: сектантам выдавать именной список за подписанием полицмейстера для внесения в оный вновь родившихся и умерших; запретить своевольный переход из одной секты в другую; завести шнуровую книгу прихода и расхода денег, упразднить некоторые молитвенные дома. Император счёл предлагаемые пункты «неудобными, ибо оные согласуются с теми правилами, коими руководствуются вообще священники при церквях, между тем как раскольнические действия не признаются законными», и повелел «сделать преосвященному Саратовскому надлежащее по сему предмету наставление». 3 мая 1837 г. синод постановил: «Составленные протоиереем Чернышевским и принятые им, Преосвященным, за полезные к уничтожению раскола предположения <...> представляются вовсе неуместными и не только сомнительными в достижении желаемой цели – уменьшения и самого уничтожения раскола, но даже опасными и служащими некоторым поводом к введению в раскольничьем обществе нового порядка и устройства» (РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 53. Л. 1–3). См. также опубликованный С. Н. Черновым документ, свидетельствующий о причастности Г. И. Чернышевского к репрессиям против раскольников (I, 809–810) и статью: Лебедев А. Отец Н. Г. Чернышевского // Чернышевский. Вып. 19. С. 178–193 (публикация И. Е. Захаровой). Миссионерская деятельность Г. И. Чернышевского распространялась и на иноверцев. Так, 8 декабря 1844 г. он сообщил епископу: «На день приезда моего в Волгск состояло кантонистов-евреев 67, из них обратились в христианскую веру 15» (РОРГБ. Ф. 505. Карт. 1. № 2. Л. 94 об.). Одним из еврейских мальчиков Г. И. Чернышевский записал на своё имя и дал ему свою фамилию. Это Александр Гаврилович Чернышевский, которого Николай Чернышевский звал своим наречённым братом. А. Г. Чернышевский и некоторые из его родственников потом долгое время работали в системе школьного образования. См.: Руднева Я. Б. М. А. Чернышевская: из жизни провинциальной «эмансипе» // Чернышевский. Вып. 19. С. 201–210. Дети А. Г. Чернышевского: Ольга (1860), Мария (1862), Константин (1864), Антонина (1868), Анна (1870), Михаил.

ального царского повеления (от 17 марта 1828 г.): «В благочинные выбирать священников примерного поведения, недейтельных из них немедленно удалять».⁷⁷

В том же году (30 декабря) Г. И. Чернышевский назначен членом духовной консистории – высшего епархиального органа власти. Таким образом, в год своего 35-летия Гаврила Иванович получил самые высокие и почётные для священника посты, какие только существовали в епархии. Оставалась лишь должность кафедрального протоиерея, но и её он получит в 1856 г., после смерти Ф. С. Вязовского.

Назначение присутствующим в духовную консисторию было особо памятным, так как состоялось в день открытия саратовской епархии и её основных учреждений – духовной консистории, епископской кафедры со штатом архиерейского дома и кафедрального собора.⁷⁸ Кроме того, ему была поручена благодарственная речь, которую он произнёс на торжественном церемониале открытия епархии в присутствии первого саратовского епископа Моисея, губернатора А. Б. Голицына, почётных граждан города, многочисленных чиновников и священников.⁷⁹ Одновременно с Чернышевским членом консистории стал Ф. С. Вязовский, в то время состоявший на священнической вакансии Александро-Невского собора, а несколько позднее – кафедральный протоиерей.⁸⁰

Несмотря на высокие для саратовской епархии должности, протоиерей и благочинный Чернышевский был совершенно чужд кичливости и чиновного чванства. Он не принадлежал к людям, которых боялись и которые вызвали подобострастный трепет у окружающих, особенно подчинённых: «Мой батюшка был не такой человек», – писал об отце Н. Г. Чернышевский, рассказывая о своих ранних юношеских впечатлениях (I, 591). «Он имел власть и подчинявшихся этой власти. Но едва ли когда-нибудь эта олицетворённая кротость возвысила голос или наморщила чело, видя проступки подчинённых ей», – свидетельствовал современник.⁸¹ И это в эпоху, когда, по словам осведомлённого историка, «благочинные были чистые князьки, держали себя надменно с остальным духовенством и обирали их сильно; священник даже у себя в доме не смел сесть при благочинном».⁸²

Вот портрет Г. И. Чернышевского, оставленный близко знавшим его современником: «Он имел осанку, невольно внушавшую уважение; тихая плавная поступь; чистое, замечательной белизны, с легким оттенком румянца лицо, шелковистые, отчасти волнистые, светло-русые волосы, самых скромных размеров такого же цвета борода; дышащие неподдельною добротой глаза; тихий, отзывающийся какою-то задушевностью голос (с слабым оттенком шепелявости); необыкновенная плавность и логичность речи; сосредоточенность взора над тем, к кому он был обращён, как будто чрез эту сосредоточенность говорилось: смотри на меня, сердце моё откровенно с тобою».⁸³

В 1828 г., столь наполненным для Г. И. Чернышевского важными событиями, случилось ещё одно, пожалуй, самое значительное: родился сын. В молитвеннике появились строки: «1828 года июля 12-го дня поутру в 9-м часу родился сын Николай. – Крещён поутру 13-го пред обеднею. Восприемн<иками> протоиерей Фёдор Стеф<анович> Вязовский, вдова про-

⁷⁷ Минх А. Н. Быт духовенства Саратовского края // Труды СУАК. Вып. XXIV. С. 60.

⁷⁸ Сар. еп. вед. 1878. № 12. С. 219–220.

⁷⁹ Речь Г. И. Чернышевского опубликована: Сар. еп. вед. 1865. № 8. С. 19–20.

⁸⁰ Фёдор Степанович Вязовский (1791–1856) – муж М. И. Кирилловой, родной сестры Пелагеи Ивановны Голубевой. Точная дата его смерти устанавливается по письму Г. И. Чернышевского к сыну от 15 августа 1856 г.: «Вчера в 11 часов вечера скончался твой крестный папенька о. протоиерей Фёдор Степанович Вязовский» (РГАЛИ. Ф. 1. Оп.1. Д. 495. Л. 283 об.). Вместе с Г. И. Чернышевским и Ф. С. Вязовским первыми членами саратовской духовной консистории был архимандрит Арсений, служивший в Спасопреображенском монастыре, и протоиерей Н. Г. Скопин (Сар. еп. вед. 1865. № 5. С. 29).

⁸¹ Палимпсестов Ив. Н. Г. Чернышевский. С. 554.

⁸² Минх А. Н. Быт духовенства Саратовского края // Труды СУАК. Вып. XXIV. С. 60.

⁸³ Палимпсестов Ив. Н. Г. Чернышевский. С. 554. Основные даты жизни и деятельности Г. И. Чернышевского собраны в работе: Захарова И. Е. Материалы к биографии Г. И. Чернышевского // Чернышевский. Вып. 18. С. 125–128.

тоиерейша Пелагея Ивановна Голубева».⁸⁴ Сыну суждено было жить, он так и остался единственным ребёнком в семье протоиерея.

3. Семейное воспитание

Однажды, на 21 году жизни, Н. Г. Чернышевский написал в студенческом дневнике: «Не буду ли после недоволен папенькою и маменькою за то, что воспитался в пелёнках, так что я не жил, как другие, не любил до сих пор, не кутил никогда, что не испытал, не знаю жизнь, не знаю и людей и кроме этого через это самое развитие приняло, может быть, ложный ход, – может быть» (I, 49–50). Возникшее под впечатлением порыва сомнение, бывало, возобновлялось. Но в основном позднейшие высказывания о характере семейного воспитания исполнены сознанием его неложности, положительности, правильности. Выражения «воспитался в пеленках», «не знаю жизнь», «не знаю людей» возникали чаще всего в контексте озорных и внешне привлекательных мыслей о кутежах. Впоследствии понял: жизнь и людей он научился понимать верно и глубоко во многом благодаря тому воспитанию, которое получил в ранние годы. Вот некоторые прямые автобиографические высказывания Чернышевского на этот счет: «Благодаря дельности и рассудительности моих старших, я, подобно моим кузинам и кузенам, очень рано привык понимать характер жизни, в которой рос» (XII, 498); в семье «я привык видеть людей, поступающих, говорящих, думающих сообразно с действительною жизнью. Такой продолжительный, близкий пример в такое время, как детство, не мог не помогать очень много и много мне, когда пришла мне пора теоретически разбирать, что правда и что ложь, что добро и что зло» (I, 680–681). Необходим развёрнутый биографический комментарий этих высказываний, чтобы выяснить, как и по каким линиям шёл процесс воздействия воспитательных элементов на формирующееся сознание и на душевный склад, какие именно стороны и факты семейного воспитания и окружающей саратовской жизни связаны с будущими теоретическими воззрениями писателя-демократа, или, словами Чернышевского, «как и что влагала жизнь в голову и в сердце» (I, 567).

Ко времени рождения Николая (Николи, Николеньки) семья Чернышевских и Голубевых уже составляла единое целое и в бытовом и нравственном отношениях. После смерти Николая Михайловича Котляревского (1828), мужа младшей из сестёр Голубевых Александры, она вышла в 1831 г. замуж за мелкопоместного дворянина Николая Дмитриевича Пыпина (1808–1893), имея на руках двух малолетних детей.⁸⁵ У Пыпиных родилось ещё восемь чело-

⁸⁴ Ляцкий Е. Н. Г. Чернышевский в годы учения. С. 50. В архиве фонда саратовской духовной консистории хранится выписка из метрических книг 1828 г. Саратовской Нерукотворённо-Спасской церкви, и здесь сказано о Н. Г. Чернышевском, что «восприемниками ему были: протоиерей Фёдор Степанович Вязовский, пензенской семинарии профессор г. Магистр Василий Сергеевич Воронцов, вдова протоиерейша Пелагея Ивановна Голубева». В копии же свидетельства, подлинник которого выдан Н. Г. Чернышевскому в 1846 г., фамилия В. С. Воронцова вычеркнута (ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1925. Л. 3, 5; Лебедев А. А. Николай Гаврилович Чернышевский (по неизданным материалам) // Русская старина. 1912. Январь. С. 91). Был ли В. С. Воронцов крестным отцом Н. Г. Чернышевского или имя его почему-либо вычеркнуто позже, установить не удалось. Однако всё же в одном отношении упоминание о профессоре Пензенской семинарии важно: оно свидетельствует, что Гаврила Иванович поддерживал связи с бывшими коллегами по Пензенской семинарии даже спустя много лет.

⁸⁵ До второго брака у А. Е. Котляревской (Голубевой) было трое детей: Любовь Николаевна (1824–1852), Софья Николаевна (1826–1827) и Егор Николаевич (1828–1892). Выдавая свою младшую дочь за дворянина, П. И. Голубева сохраняла право на купленных её мужем крепостных крестьян. В завещании Г. И. Голубева был пункт, по которому «состоящие при доме моём в услужении по условию от г-на надворного советника Никиты Антоновича Дуборасова крестьяне, обозначенные именно в том условии, должны находиться <...> в непосредственном распоряжении означенной жены моей» (РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27. Л. 1). С замужеством Александры Пелагея Ивановна перевела на новую «дворянку» своих крепостных и купила на её имя новых «орловских, саратовских и других». Об этом писала в воспоминаниях сама Александра Егоровна (Лит. наследие. Т. 1. С. 707–708). Введение в семью Голубевых Н. Д. Пыпина связано, несомненно, с теми же заботами Пелагеи Ивановны закрепить за семьёй владение крепостными. В составленном 25 июля 1852 г. Формулярном списке Николая Дмитриевича Пыпина указано, что он имеет «родовое имение в Аткарском уезде в сельце Иткарке 1 душу мужского пола», а у его жены приобретено в том же селе «19 душ мужского пола и в г. Аткарске деревянный дом». Службу он начал 15 апреля 1824 г. канцеляристом в Тамбовской палате уголовного суда, перемещён в Саратовскую гражданскую палату 15 марта 1829 г.

век: Варвара, Александр, Полина, Евгения, Сергей, Екатерина, Петр, Михаил. Особо дружил Николай Чернышевский с Александром (1833–1904), который впоследствии стал профессором Петербургского университета, журналистом, историком литературы, академиком. Свидетельства Пыпиных, и в первую очередь А. Н. Пыпина, выраставшего почти в одни годы с Чернышевским, являются авторитетным биографическим источником, и мы не раз будем прибегать к ним в характеристике различных периодов жизни Чернышевского.

Новое замужество младшей из Голубевых не внесло заметных изменений в сложившийся строй их жизни. По-прежнему действительной главой обеих семейств была Пелагея Ивановна. Принадлежность «почитаемого семейного патриарха» Гаврилы Ивановича к духовному сословию направляло ход жизни в привычное, традиционное для Голубевых русло, и дворянство Н. Д. Пыпина не оказывало сколько-нибудь существенного влияния на семейный уклад в целом.⁸⁶ Некоторые биографы Чернышевского преувеличивали это влияние, находя в нём немаловажное объяснение процесса расхождения будущего писателя с его отцом в вопросах религии.⁸⁷ Источники не подтверждают подобного суждения, опирающегося на чисто внешнее обстоятельство, которое скорее затушёвывает, чем проясняет подлинную, гораздо более сложную картину формирования мировоззрения Чернышевского. Ориентация Пыпина на чиновно-дворянскую среду и влияние этого окружения на жизненный строй семьи сказались лишь на судьбе его детей, получивших не духовное, а светское образование. В религиозно-насыщенный мир Чернышевских Николай Дмитриевич никогда не вмешивался, будучи человеком верующим, набожным. По словам Чернышевского, «дядюшка, женившийся ещё юношей, потом всю молодость проживший в семействе тётки, наполовину вошёл в интересы духовного круга», и если через Н. Д. Пыпина семейство «несколько соприкасалось с небогатым дворянством» и прочими сословиями «среднего слоя общества губернского города» («и помещики, и военные, и чиновники, и купцы, и всякие «разночинцы», как пишется в церковных (да и в гражданских) переписках»), то «всё это было довольно незначительною долею в жизни нашего семейства: главное наше родство было духовное, центр всех наших отношений и разговоров был – духовный» (XII, 491).

Религиозное влияние на Чернышевского в ранние годы было значительным, определяющим. Оно возникло как естественное, необходимое, главное звено в строго и тщательно продуманной Гаврилой Ивановичем системе воспитания своего единственного сына. Современники вспоминали, что «отец, идя в церковь, обыкновенно брал с собою и сына и ставил его в алтарь» и что таким образом до поступления в духовную семинарию мальчик «не пропустил ни одной божественной службы». Тому же мемуаристу маленький Николя припоминается как «херувимчик»: «Чистое белое личико с лёгкой тенью румянца и едва заметными веснушками, открытый лобик, кроткие, пытливые глаза; изящно очерченный маленький ротик, окаймлённый розовыми губами; шелковистые рыжеватые кудерьки; приветливая улыбка при встрече с знакомыми; тихий голос, такой же, как у отца».⁸⁸

и в Саратове жил до 16 октября 1844 г. – этой датой помечен его перевод в Аткарское окружное управление письмоводителем. В январе 1846 г. по выбору дворянства определён заседателем в Аткарский уездный суд (ГАСО. Ф. 2. оп. 1. Д. 3033. Л. 5–10). Имел старшего брата Михаила Дмитриевича (род. 1805), который служил в Тамбове (с 1822 г. в палате уголовного суда), Саратове (с 1826 г. в палате гражданского суда), Аткарске (с 1831 г. заседателем уездного суда). Жена Мария Игнатьевна, дети Любовь (р. 15 сентября 1833 г.), Михаил (р. 12 сентября 1841), Варвара (р. 17 мая 1844 г.), Наталья (р. 22 августа 1846 г.), Сергей (р. 14 июня 1849 г.), Надежда (р. 11 февраля 1851 г.) (ГАСО. Ф. 179. оп. 1. Д. 861. Л. 456).

⁸⁶ Пыпина В. А. Чернышевский и Пыпин в годы детства и юности // Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928. С. 273.

⁸⁷ В содержательной работе С. Н. Чернова «Семья Чернышевских» утверждается, что с появлением Н. Д. Пыпина «светская культура рвала голубевский фронт и без того уже далеко не прочный» (Известия Нижне-Волжского краеведческого института. Т. II. Саратов, 1927. С. 235).

⁸⁸ Палимпсестов Ив. Н. Г. Чернышевский. С. 555–557.

Среди первых составленных отцом прописей, которыми семилетний Николая начал изучение родного языка, значились фразы: «Бога люби паче всего», «Веруй во Евангелие», «Господь даёт разум», «Един есть Бог естеством».⁸⁹ «Чаще всех других сословных, деловых и общественных слов, – писал Чернышевский в автобиографических записках, – слышались моим ушам до 18 лет: „архиерей, Сергиевская церковь, священник, консистория, обедня, заутреня, вечерня, антиминос, дарохранительница, ризы, камилавка, наперсный крест”» (XII, 492).⁹⁰

Однако не будучи религиозным фанатиком, Гаврила Иванович вовсе не ограничивал интересы мальчика исключительно религиозными внушениями. Николая, например, не чуждался мальчишеских игр, запрета в них не знал, и было бы ошибочным представлять его только молящимся да посещающим церковь. Сын современницы Чернышевского И. Я. Славин писал с её слов: «Моя мать была в то время ещё маленькой девочкой и помнила Н. Г. Чернышевского маленьким мальчиком, принимавшим участие в совместных с нею детских играх. У матери моей остался в памяти от детства рыжий, бойкий, озорной Коля Чернышевский».⁹¹ Один из сверстников Чернышевского В. Д. Чесноков вспоминал, как летом они запускали бумажного змея, играли в лапту, в козны (бабки), прыгали через ямы, зимой катались на салазках, а когда стали постарше, придумали катание на дровнях. Скатывали с дровней бочку, в которой возили с Волги воду, впрягались в них, ввозили их на крутые спуски Гимназической улицы или Бабушкиного взвоза и оттуда скатывались вниз к Волге. «Любитель больших и сильных ощущений», Николай и ещё старшие мальчики всегда стояли впереди, направляя дровни «на ухабы и шибни» и непременно норовя «проскочить через прорубь, конечную цель нашего катания»; «сколько смеху, шуму и говору было при катании! Нам только удивлялись, как мы не сломаем наших голов при таком бешеном катании».⁹²

Конечно, свобода в детских играх и широкие ребяческие общения объясняют только одну из сторон принятого в доме Чернышевских воспитания. Гораздо большее значение имела обычная повседневная обстановка, в которой, по словам самого Чернышевского, господствовал «простой человеческий взгляд на каждый отдельный факт жизни» (I, 684).

Основным первоисточником, служащим для уяснения этого важного положения, являются автобиографические записки Чернышевского, составленные в Петропавловской крепости в 1863 г. Называя свой труд «книгой» (I, 683), автор, вероятно, предполагал опубликовать его. Это видно также из многочисленных обращений к читателю, встречающихся в различных местах заметок. Ясно, что печатать свои произведения, имеющие автобиографический характер, Чернышевский мог только с учетом строжайшей цензуры, и он заранее позаботился о том, чтобы завуалировать высказывания, приобретающие антимонархический смысл. Увидев невозможность опубликования записок, Чернышевский переработал их для беллетристического сочинения «Повесть в повести». Но и оно не было напечатано, и все эти материалы долгое время пролежали в жандармских архивах.⁹³ К ним непосредственно примыкают написанные тогда же рассказы «Наша улица» («Корнилов дом», «Жгут»).

Автобиографические записки остались незавершёнными. Они состоят из четырёх частей, органически связанных между собой. Первая названа автором «Воспоминаниями слы-

⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 279.

⁹⁰ Антиминс – пласт с изображением положения во гроб Христа, расстилают на престоле во время богослужения; дарохранительница – ковчег, в котором хранятся «савятые дары» в алтаре; камилавка – наградная шапочка священника.

⁹¹ Славин И. Я. Минувшее-пережитое // ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 814. Л. 33. Позднейшая публикация: Волга—XXI век.

⁹² Воспоминания (1982). С. 32.

⁹³ Впервые опубликовано в 1928 г.: Лит. наследие. Т. 1. С. 3–125, 126–170. Последующие воспроизведения текста: Чернышевский Н. Г. Из автобиографии / Ред. и коммент. В. А. Сушицкого. Саратов, 1937 и в составе ПСС в 1939 г.: I, 566–691. См. также: Базанов В. Г. Семейные и местные предания в «Автобиографии» Н. Г. Чернышевского // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1958. Вып. III. С. 132–152.

шанного о старине», затем следуют сообщения о детском чтении и «фактах действительной народной жизни».

Чернышевский не случайно начинает автобиографию рассказами бабушки Пелагеи Ивановны Голубевой о подробностях жизни предков. Это были прежде всего первые детские впечатления, глубоко запавшие в память ещё и потому, что объясняли в известной мере образ жизни старших членов семьи Чернышевских-Пыпиных и, следовательно, давали возможность «по мне, – писал Чернышевский, – приблизительно заключать о том, под какими впечатлениями и с какими понятиями выросло то поколение среднего сословия, которое родилось на белый свет в коренных областях нашей матушки России в двадцатых, в тридцатых годах XIX века» (I, 567). Подобное обобщение характерно для задач автобиографии, долженствующей пролить свет, по мысли автора, на основные условия формирования нового поколения общественных деятелей – революционных разночинцев.

Вот рассказывает бабушка о переселении её родителей из прежнего прихода в новый, ближе к Саратову. Ехали на простой телеге с небогатым скарбом и девочкой-малюткой на руках, да вдруг повстречались им неизвестные с ружьями и сопровождали телегу вплоть до ночлега. А утром пораньше Мавра Перфильевна заставила своего мужа поскорее запрячь лошадь – так и уехали, полагала она, от разбойников. Эта история рассказывалась вовсе не затем, чтобы просто позабавить внучат сказкой. Пелагее Ивановне важно было показать, «как нерассудительны бывают люди», т. е. отец её, не распознавший разбойников. И только сметливость и рассудительность матушки спасли дело.

Другая история повествовала о неких богатых людях, которые поручили Мавре Перфильевне тайно воспитывать их младенца. Неизвестно, что заставило этих людей поступить так, но только она согласилась и заботилась о чужом ребёнке, как о своём. Однако младенец занемог и скончался. Не умри он – быть Мавре и её мужу Ивану Кириллычу более обеспеченными, потому что родители ребёнка обещали богатое вознаграждение. И опять: вовсе не «поэтическая сторона» (какое-то похищение, бегство, нежная, скрываемая от людей любовь и таинственная история с ребёнком) занимала рассказчицу и слушателей, «а исключительно только то, что подвёртывалось счастье прадедушке и прабабушке, да ушло от них». И начинала свое повествование Пелагея Ивановна не с таинственных подробностей, сообщавших всей истории сказочный, легендарный элемент, а с характеристики Мавры Перфильевны как хорошей матери: «Заботливая, умывала нас, приглаживала головы, смотрела, чтобы рубашоночки на нас были чистенькие, опрятно держала нас, хорошо». Потому и обратились к ней с просьбой принять младенца на воспитание, что на всю округу прослыла она чистоплотной и аккуратной.

Ещё один запомнившийся Чернышевскому рассказ, «выходящий из порядка случаев обыденной жизни». В прабабушкиной или прадедушкиной семье не все были духовными. Некоторые, не получив мест, стали крестьянствовать. И вот однажды двух таких родственников захватили в плен «корсары» (киргиз-корсаки). Один прижился в плену, женился там и скоро сделался важным человеком, попав в милость тамошнему царю. Другой же пленный жил обыкновенным рабом, и ему, чтобы не убежал, в подрезанные пятки заживили пучок конских волос. «Однако ж и с подрезанными пятками наш родственник решился бежать» и, выдержав страшные физические мучения и все опасности погони и ловли в камышах, пришёл к своим и стал жить по-прежнему. Этот рассказ, подобно предыдущим, воспринимался как вполне реальное, а вовсе не мифическое событие, достоверность которого подтверждали происходившие и во времена детства Чернышевского пленения хивинцами работавших в поле крестьян. Бабушкины рассказы о старине были, писал Чернышевский, «почти единственным материалом сколько-нибудь фантастического содержания», но даже в них не заключалось ничего неправдоподобного или противоречащего «законам здравого смысла». И эти рассказы по-своему воспитывали Николая Чернышевского в духе старых семейных традиций, по которым служение Богу соединялось с естественными заботами практической жизни. Пересказывая бабушкины исто-

рии, Чернышевский настойчиво подчёркивает, что предки его были, как он выразился в одном из сибирских писем, «простые люди» (XV, 218), некоторые же «сделались мужиками» (I, 578). Близостью к народу объяснялся их повседневный жизненный уклад и мораль. «Материальный и нравственный быт нашего русского духовенства, – отмечал дореволюционный саратовский историк, – стоял в старину в тесной связи с народной жизнью и воззрениями; вышедшее большей частью из простого народа, оно имело те же пороки и качества, духовные воззрения, тот же умственный и нравственный уровень, предрассудки, суеверие и проч., как и наш простолюдин».⁹⁴ «Опытными пахарями» называл Чернышевский своего отца и двоюродного деда Ф. С. Вязовского (1789–1856) (I, 673), самых близких ему людей, жизненный путь которых был ему хорошо известен. В бесхитростных и правдивых рассказах бабушки Пелагеи Ивановны предки характеризовались как люди стойкие, храбрые, «умные, честные, энергические» (XV, 243), хотя и небогатые. «Священник, – писал Чернышевский, – это был особенного разряда нищий; нищий – почётного разряда; нищий, живущий, вообще говоря, не в голоде и холоде: или и вовсе не бедно. Но нищий» (XV, 243).

Суровые жизненные условия, мало отличающиеся от обстоятельств народного быта, способствовали формированию простого, лишённого праздности и тунеядства, вызванного естественными житейскими потребностями взгляда на жизнь. В семье преобладал «скромный и рассудительный порядок жизни» (I, 579). «Мы были очень, очень небогаты, наше семейство, – свидетельствует Чернышевский. – <...> Оно было не бедно. Пищи было много. И одежды. Но денег никогда не было! Потому ничего подобного гувернанткам и т. п. не могло нашим старшим и во сне сниться. Не было даже нянек»; «А наши старшие? – Оба отца писали с утра до вечера свои должностные бумаги. Они не имели даже времени побывать в гостях. Наши матери с утра до ночи работали. Выбившись из сил, отдыхали, читая книги. Они желали быть – и были, – нашими няньками. Но надобно ж обшить мужей и детей, присмотреть за хозяйством и хлопотать по всяческим заботам безденежных хозяйств» (XV, 152). «Они были люди обыденной жизни, настолько придирчивой к ним своими самыми не пышными требованиями, что они никак не могли ни на два часа сряду отбиться от неё, сказать ей: ну, теперь ты удовлетворена, дай мне хоть немножко забыть тебя – нет, нет, она не давала, не давала им забыть о себе» (I, 680).

Подобные характеристики, идущие от самого Чернышевского, лучше всего объясняют семейную обстановку, в которой он рос и воспитывался. «Строгий и строго нравственный образ жизни» с детства внушили Николаю Чернышевскому отвращение, например, к вину, «все грубые удовольствия» казались ему «гадки, скудны, нестерпимы» (XV, 373). «Отец Чернышевского, – замечает мемуарист, – был человек общительный, любимый прихожанами; но он чуждался собраний, особенно соединённых с пиршествами, далеко держал себя от лиц подозрительной нравственности и боялся, как бы в драгоценную зеницу его ока, в детскую душу его единственного сына, не попала какая-нибудь соринка».⁹⁵

В связи с этим характерна такая подробность. Обучая одиннадцатилетнего Николая греческому языку, он однажды дал ему перевести фразу о том, что такое пьянство, и Николай записал свой перевод: «Пьянство – малое блаженство есмь». Г. И. Чернышевского такой перевод не удовлетворил, и после соответствующих объяснений его ученик, зачеркнув слова «малое блаженство», написал: «Пьянство – краткое сумасшествие есмь».⁹⁶

Выше приходилось говорить, что Гаврила Иванович чуждался религиозного фанатизма. «Духовное» привычно рассматривалось родными Чернышевского «исключительно с земной точки зрения». Например, разговоры о церкви, архиерее носили как бы приземлённый харак-

⁹⁴ Минх А. Н. Быт духовенства Саратовского края в XVIII и начале XIX столетий // Труды СУАК. Вып. XXIV. 1908. С. 55.

⁹⁵ Палимпсестов Ив. Н. Г. Чернышевский. С. 556.

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 282. Л. 1.

тер. Понятие «церковь» наполнялось не только религиозным содержанием, но вмещало также мысли о поддержании церковного имущества и здания в надлежащем виде. «Церковь – это было у нас преимущественно «наша церковь», т. е. Сергиевская, в которой служил мой батюшка» и которая озабочивала «главным образом со стороны обыкновенного ремонта». Побелка церкви волновала всех домашних столько же, сколько толки о том, «делать ли вновь деревянную кровлю на нашем доме, когда прежняя обветшала, или крыть дом железом». Разговоры об архиерее не превращались в религиозный панегирик главе епархии, а были разговорами о реальном человеке с его достоинствами и недостатками (I, 628–629). Подобный взгляд на «духовное» вовсе не противоречил религиозным убеждениям и не подрывал их ни явно, ни подспудно. Он придавал религиозности естественный человеческий смысл, не отвлекая верующего от земных забот, избегая всего фанатического, иезуитского. В «греческой» ученической тетради читаем характерную фразу: «Люби учение, умеренность, разум, истину, хозяйство, искусство, благочестие».⁹⁷

В фанатических действиях и мотивах «все мои старшие вместе со всеми неглупыми людьми Саратова, – писал Чернышевский, – видели глупость, пошлость, тупость или злонамеренность; аскеты и аскетки были понимаемы моими старшими и всеми неглупыми людьми Саратова как люди играющие, дурачащиеся, забавляющиеся своими причудами, люди пустые или жалкие, глупые или дурные». Вот почему, по словам Чернышевского, фанатизм в любых его проявлениях «не имел никакого значения» ни в жизни его родителей, ни в истории его развития (XII, 498).

Отмеченные особенности воспитания сказались ещё на одной стороне «первой, очень важной эпохи развития» – чтении. Сильнее всех пристрастий «была в нём с детства, – сообщал Чернышевский о себе, – страсть к чтению» (XII, 681). Даже сильная близорукость, которой он страдал с малых лет, не могла стать препятствием. Установить точную дату первых уроков чтения не удастся. По крайней мере, Чернышевский писал о себе, девятилетнем мальчике, что он «уже года два» рылся в книгах, доступных его рукам (I, 635). Первым его учителем чтения мемуаристы называют двоюродную сестру Любовь Николаевну Котляревскую.⁹⁸

В семье Чернышевских-Пыпиных книга была насущной потребностью. Человеком «учёным» называли Егора Ивановича Голубева. Обе его дочери, «стремящиеся к знанию» (XII, 497), не чуждались книг, владели довольно хорошим слогом изложения. В этом убеждают, например, их письма, воспоминания, оставленные А. Е. Пыпиной. «Мать моя и тётка (её старшая сестра) чрезвычайно любили чтение», – свидетельствует А. Н. Пыпин.⁹⁹ Книга для обеих женщин, вспоминал Чернышевский, являлась лучшим отдыхом (I, 152).

«Патриарх семейства» Г. И. Чернышевский всячески поощрял чтение и образование. Сам он «в пределах его школы и даже дальше их, был человек образованный и начитанный», – писал А. Н. Пыпин, видевший его семинарские тетради с греческими и латинскими стихами.¹⁰⁰ Одно из стихотворений сохранилось: оно посвящено победе над Наполеоном в 1812 г.¹⁰¹ «Зрелостью мысли и начитанностью» он превосходил даже преподавателей семинарии, имевших академическое образование.

Учёность саратовского благочинного проявлялась не только в сочинении блестящих проповедей и речей, произносимых во время всяческих религиозных служб и торжеств. Перу Г. И. Чернышевского принадлежит замечательное, до сих пор не утратившее ценности исто-

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Воспоминания (1982). С. 28.

⁹⁹ Воспоминания (1982). С. 109. В сохранившемся письме Егора Ивановича Голубева от 20 августа 1816 г. находим строки, свидетельствующие о внимании отца к домашним учебным занятиям дочерей: «Евгения и Александра, – обращался он к ним. – Трудитесь с усердием в ваших занятиях и меня успехами своими утешьте» (РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26. Л. 2).

¹⁰⁰ Воспоминания (1982). С. 104.

¹⁰¹ Чернышевская. С. 45.

рико-краеведческое исследование, выполненное по заданию архиерея в 1856 г. История этой работы, которой Г. И. Чернышевский отдал пять лет жизни, вкратце такова. 21 октября 1850 г. духовно-учебное управление при синоде известило саратовского епископа о намерении издать пособие для изучения истории российской церкви и просило для сбора и обработки саратовского материала назначить человека, известного «по своим способностям и особенно по любви к историческим исследованиям». Тогдашний епископ Афанасий сразу же сделал выбор, возложив выполнение труда на Г. И. Чернышевского. В сентябре 1851 г. 57-летний протоиерей приступил к изучению материалов, и его переписка с епископом и уездными священниками говорит о тщательности плана и строгости избранной методики в описании сведений. 3 мая 1856 г. Гаврила Иванович докладывал Афанасию о выполнении работы, которая получила название «Церковно-историческое и статистическое описание саратовской епархии». ¹⁰² В декабре того же года сочинение отослали в синод, и там оно затерялось, пролежав без движения и пользы долгие годы. В 1878 г. по запросу из Саратова рукопись разыскали и отправили в саратовскую духовную консисторию. Здесь её читал П. Юдин, объявивший в 1905 г., что работа Г. И. Чернышевского «до сих пор не издана». ¹⁰³ То же утверждали Н. Ф. Хованский, ¹⁰⁴ Е. Ляцкий ¹⁰⁵ и вслед за ними советские биографы Чернышевского. ¹⁰⁶ Между тем рукопись была опубликована еще в 1882 г. в Саратове А. Правдивым. ¹⁰⁷ Исследование Г. И. Чернышевского датировано 15 февраля 1856 г. и содержит ценные сведения о начале и распространении христианской религии в саратовском крае, о времени учреждения епархии, её иерархии, уникальные данные о саратовских монастырях и главнейших их церковных зданиях.

Почти все мемуаристы и Н. Г. Чернышевский свидетельствовали, что у Гаврилы Ивановича была довольно обширная домашняя библиотека. Какая-то часть книг досталась от умершего протоиерея Голубева. Из этих названий А. Ф. Раев припоминает «„Энциклопедический лексикон” и „Христианское чтение”, но были и другие книги». ¹⁰⁸ Более подробные сведения о составе домашней библиотеки Чернышевских сообщил А. Н. Пыпин: «В его кабинете, который я с детства знал, было два шкафа, наполненных книгами: здесь была и старина восемнадцатого века, начиная с Роллена, продолжая Шрекком и аббатом Милотом; за ними следовала „История Государства Российского” Карамзина; к этому присоединялись новые сочинения общеобразовательного содержания: „Энциклопедический словарь” Плюшара, „Путешествие вокруг света” Дюмон-Дюрвиля, „Живописное обозрение” Полевого, „Картины света” Вельтмана и т. п. Этот последний разряд книг был и нашим первым чтением. Затем представлена была литература духовная: помню в ней объяснения на книгу Бытия Филарета, книги по Церковной истории, Собрание проповедей, Мистические книги.

Наконец (я говорю о времени около моего поступления в гимназию), к нам, – продолжал А. Н. Пыпин, – проникала новейшая литература. Гавриил Иванович, очень уважаемый в городе, имел довольно большой круг знакомства в местном богатом дворянском кругу, и отсюда он брал для сына, Николая Гавриловича (с детства жадно любившего чтение), новые книги, русские, а также и французские: у нас бывали свежие тома сочинений Пушкина, Жуковского, Гоголя, некоторые журналы...». ¹⁰⁹

Дополнительные данные о числе и названиях книг, бытовавших в семье Чернышевских, предоставляют архивные источники. В январе 1842 г. саратовский епископ Иаков распоря-

¹⁰² ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2210. Л. 1–41. Рапорт о выполнении (автограф) – Л. 38.

¹⁰³ Юдин П. Н. Г. Чернышевский в Саратове // Исторический вестник. 1905. № 12. С. 875.

¹⁰⁴ Хованский Н. Ф. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии. Вып. 1. Саратов. 1884. С. 55–56.

¹⁰⁵ Ляцкий Е. Н. Г. Чернышевский в годы учения. С. 53.

¹⁰⁶ Н. М. Чернышевская. Примечания // Воспоминания (1959). Т. 1. С. 52.

¹⁰⁷ Сар. еп. вед. 1882. №№ 31–33, 36–40.

¹⁰⁸ Воспоминания (1982). С. 124.

¹⁰⁹ Воспоминания (1982). С. 104.

дился подготовить реестры имеющихся в наличии у духовенства книг. Собранные документы Иаков предписывал «хранить при делах как неизлишнее, а для истории полезное». В марте того же года требуемые сведения о библиотеках духовенства саратовской епархии доставлены епископу. В документе говорилось: «<...> Как оказалось по исчислению, сделанному в канцелярии семинарского правления по ведомствам благочинных: протоиерея Чернышевского духовенство имеет 529 экземпляров, священника Разумова 422 экземпляра, протоиерея Ремезова 108 экземпляров, священника Октоптова 62 экземпляра, протоиерея Диаконова 222 экземпляра, священника Ципровского 177 экземпляров, священника Левитского 161 экземпляр, протоиерея Элпидинского 355 экземпляров, священника Рождественского 655 экземпляров, протоиерея Казаринова 123 экземпляра, священника Волковского 321 экземпляр, протоиерея Лугарева 35 экземпляров, священника Покровского 75 экземпляров, всего 3867 экземпляров».¹¹⁰ Как видим, самыми многочисленными оказались библиотеки священнослужителей города Саратова, подчиненных Г. И. Чернышевскому, и собрание книг у священников благочиния Рождественского. Из составленного Гаврилой Ивановичем реестра книгам городского духовенства видно, что на долю служителей саратовской Нерукотворно-Спасской церкви пришлось подавляющее количество книг – 282, остальные 247 экземпляров распределялись по библиотекам служителей девяти церквей (Воскресенской – 23, Казанской – 35, Спасо-Преображенской – 15, Единоверческой – 12, Александровской больницы – 12, Ильинской – 66, Вознесенской – 48, Кресто-Воздвиженской – 12, Вознесенской на Сенной площади – 24). Число книг священнослужителей Нерукотворно-Спасской церкви, в которой Г. И. Чернышевский имел свой приход, было значительным благодаря библиотеке благочинного, у остальных их насчитывалось всего 35 (32 книги у священника Якова Снежницкого и три книги у дьякона Якова Подольского). В составленном Г. И. Чернышевским реестре его личной библиотеки (автограф) указаны следующие названия: «1. Библия на славянском, греческом и французском языках. 2. Новый Завет на славянском и русском наречии. 3. Новый Завет на греческом языке. 4. Толкование на послание к римлянам Иоанна Златоустого, старый перевод. 5. То же, новый перевод. 6. Толкование на евангелиста Матвея, его же, старый перевод. 7. То же, новый перевод. 8. К Феодору падшему, его же. 9: Камень веры. 10. Летопись Дмитрия Ростовского. 11. Поучения его же. 12. О должности приходских священников. 13. Огласительные слова Кирилла Иерусалимского. 14. Православное исповедание Веры, Петра Могилы. 15. Новая скрижаль. 16. Изъяснение на литургию, Дмитревского. 17. Беседы Макария Египетского. 18. Избранные сочинения Августина Иппонийского. 19. Вообще довольно значительное собрание книг богословских, философских, исторических и других назидательных на языках российском, греческом, латинском, немецком и французском». Рапорт Г. И. Чернышевского датирован 20 августа 1841 г.¹¹¹ По-видимому, Иаков сначала собрал сведения о библиотеках городских церковнослужителей, а затем – по остальным благочиниям.

Из документов видно, что личная библиотека Г. И. Чернышевского насчитывала 247 названий – среди духовенства города самая большая библиотека. Для епископа Иакова Гаврилы Иванович указал сугубо религиозные книги. Однако, как видно из реестра, они не составляли большинства библиотеки. Таким образом, документально подтверждается факт, имеющий для исследования биографии Н. Г. Чернышевского важное значение: чтение юного Чернышевского было разнообразным и не ограничивалось религиозными сочинениями, а наличие книг на древних и новых европейских языках побуждало к изучению языков.

Довольно значительная по тому времени домашняя библиотека, обширные знакомства отца, доставлявшие немало книг со стороны, вполне удовлетворяли запросы юного Чернышевского. Потребность в чтении в столь грамотном и образованном семействе возникала сама

¹¹⁰ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1325. Л. 1, 4.

¹¹¹ Там же. Л. 32–34, 42–53. Реестр книг из библиотеки Г. И. Чернышевского – Л. 33.

собой. «Никто нас не „приохочивал”. Но мы полюбили читать», – вспоминал Чернышевский (XV, 152). Чиновник Н. Д. Прудентов вспоминал: «Я каждый день утром и в полдень проходил мимо дома Чернышевских и постоянно видел, как Н. Г., сидя в то время около крайнего окна к воротам, читал газету. Глядя на него, зависть брала. Отец важная и почтенная персона, и сын вышел в него: девять лет, а так усердно читает газеты».¹¹² Сколько можно судить по его позднейшим высказываниям, первоначальное чтение носило бессистемный характер. Автохарактеристика «Я сделался библиофагом, пожирателем книг, очень рано» раскрывалась в следующем не лишённом иронии перечне: «В десять лет я уже знал о Фрейнсгеймии, и о Петавии, и о Гревии, и об учёной госпоже Дасиер, – в 12 лет к моим ежедневным предметам рассмотрения прибавились люди вроде Корнелиуса а Лапиде, Буддея, Адама Зерникова (его я в особенности уважал)». Потом к этому списку приплюсовались «Великие Четьи-Минеи», переводы романов Ж. Санд в «тогдашних «Отечественных записках», ранние переводы Диккенса, «я знал чуть ли не все лирические пьесы Лермонтова», «я читал с восхищением „Монастырку” Погорельского», «я читал решительно всё, даже ту „Астрономию” Перевощикова, которая напечатана в четвёрку и в которой на каждую строку, составленную из слов, приходится чуть не страница интегральных формул» (I, 632–636). В одной из своих рецензий 1860 г. Чернышевский, вспоминая детство в «10, 12 и 14 лет», писал, с каким «восторгом» перечитывал «раз двадцать в римской истории Роллена период Самнитских войн» с описаниями сражений, но зато «с пренебрежением перевёртывал эротические страницы» в иных произведениях, к которым, например, относился «скандальнейший роман покойного Степанова, кажется „Тайна”, а может быть „Постоялый двор”», или в романах Поль де Кока забавляли «уморительные приключения» и оставались «без всякого внимания» любовные интриги (VII, 446).

Любопытен и показателен пример с отношением к «Четьям-Минеям», извлечённым однажды из шкапа по желанию бабушки Пелагеи Ивановны и занявшим несколько вечеров для чтения. В первый день читала старшая кузина (Любовь Котляревская), и бабушке понравилось. На другой вечер читали снова, и на этот раз в чтении участвовал Николая. Но вот, «постепенно сокращаясь в размере приёмов и растягиваясь в рассрочках между приёмами», чтение замерло «на несколько недель», а потом и вовсе оставлено. Книгу взяла читать сестра бабушки Анна Ивановна, но и у той закладка ненадолго передвинулась вглубь, и «скоро стало ясно, что книга даром лежит у неё на столе». Через несколько времени Анна Ивановна положила книгу на свой шкап, и она «возобновила на новом месте прежнюю безмятежную жизнь». Сам Николай читал религиозные «Четьи-Минеи» «очень много», но «совершенно пропускал проповеди и краткие жития, читал исключительно только длинные, состоящие из ряда отдельных сцен, рассказанных вообще с беллетристической обстоятельностью или с анекдотической живостью. Это читалось легко и с удовольствием» (I, 635–637). Чем же объяснить столь пренебрежительное отношение к книге, которая как сборник преданий о русских святых должна была бы пользоваться успехом в религиозной семье? Чернышевский не случайно так подробно описывает историю чтения «Великих Четий-Миней», вкрапывая воспоминания в рассказ об образе жизни своих старших, которые чуждались «элементов, располагающих рассудок портиться привычкою к неправдоподобному» (I, 580), и аскетизм святых не находил отклика у них, людей «обыденной жизни».

Неправильно было бы считать подобное отношение к духовной литературе о святых чем-то вроде антирелигиозной акции. Далекое не каждая церковная книга вызывала столь единодушную незаинтересованность, а лишь такая, в которой проповедовался фанатизм и аскетизм как норма жизни. «По числу страниц, – писал Чернышевский, – большая часть Четий-Миней состоит из истории подвигов и страданий святых мучеников. Тут было много чудес, – мученика ввергали в реку, в огненную печь, свергали со скалы» (I, 788) – такие книги пусть читает

¹¹² Записано Ф. В. Духовниковым (РОИРЛИ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 43. Л. 739).

дальний родственник Голубевых Матвей Иванович Архаров, который после пьяной беспутной жизни вдруг вознамерился принять образ мученика, а на деле превратился в жестокого тирана и злодея в семье. В связи с этим уместно процитировать следующее место из автобиографии Чернышевского: «У нас была особая книжка, содержащая в себе службу Варваре великомуученице, и в виде вступления подробное житие её. Мне не хотелось читать его в этой книге. А само по себе оно было интересно для меня. В Четь-Минее я прочёл его с любопытством и с убеждением, что в особой книжке оно ещё любопытнее, потому что подробнее. А в особой книжке всё-таки не прочел его. Почему? Тогда не думал об этом, а теперь вижу, почему: книжка была в сафьянном переплете, с золотым обрезом, с золотым тиснением на крышках переплёта, – не любил я её за это, она возбуждала этим впечатление, что претендует быть не простою книгою, как все другие, хочет, чтобы её читали, как читает Матвей Иванович. Нет, это не моё, – то есть нашего семейства, – чтение» (I, 634).¹¹³

Своё пристрастие к книгам и отношение ко многим из них Чернышевский рассматривает со стороны того восприятия «книжной пажити», которое десятилетиями формировалось в семье под влиянием реальных жизненных условий. Однако на первых порах чтение, по его словам, было «многовато послабее» впечатлений жизни и, занимая в системе воспитания заметную роль, всё же имело второстепенное, подчинённое значение. Живая действительность, «трепетание жизни», ощущавшееся в разговорах, какие мальчику приходилось слышать, по-своему воспитывали и вовсе не вопреки намерениям старших или независимо от них, а в сложном совокупном, естественном взаимодействии. Вот почему разговор о «семейном воспитании», как оно представлялось самому Чернышевскому, будет не полон без учёта факторов мощного воздействия, идущего со стороны окружающей саратовской действительности.

4. Саратовская действительность

От пересказа бабушкиных историй и объяснений особенностей их «фантастического» содержания Чернышевский переходит в автобиографии к воспоминаниям о «соприкосновениях» его детства с «живыми людьми фантастического мира» (I, 586).

Вот перед читателем развёрнуты страницы жизни слабоумного мальчика, которому суеверные горожане одно время приписывали способность предрекать пожары.¹¹⁴ Улёгся пожарный страх – заглохло и мистическое значение мальчика, и «все саратовцы стали видеть в нём опять только то же самое, что видели прежде: бедного слабоумного крестьянского мальчика, который из своего села (какого-то недалёкого) заходит иногда в город, потому что родные не усмотрят за ним по своему рабочему недосугу, или и вовсе не смотрят за ним, оставляют брести куда хочет, в надежде, что никто не захочет обидеть его, бедняжку, такого смиренного, а может быть, и сами, по бедности, рады, когда он уходит с их скудного хлеба на хлеб добрых людей, из которого ещё, может быть, и принесёт им иной раз две-три краюхи „калача” (т. е., по-нашему, хорошего белого хлеба, какого бы то ни было)» (I, 584).

В другом эпизоде повествуется о бедной девушке, круглый год ходившей в холщовой рубашке и босиком, хотя бы и в тридцатиградусный мороз. Она посещала только церкви и, как гласила легенда, дала обет молчания и самопожертвования в память рано умершей сестры. Житейская сторона этой легенды, как и в предыдущем рассказе о слабоумном мальчике, оборачивается горькой, трагической обыденностью. Обе сестры остались сиротами в справной крестьянской семье. Одна из них по уговору с другой вышла замуж за человека, который оказался

¹¹³ См. также: Клименко С. В. «Четьи Минеи» в детском чтении Н. Г. Чернышевского // Русская литература. 1988. № 1. С. 186–191.

¹¹⁴ Пожары в ту пору случались часто. По подсчётам местного историка в Саратовской губернии в 1842–1851 гг. пожаров было 1671, уничтожено зданий (казённых, церковных и частных) 171 156 (Сар. губ. вед. 1853. 21 февраля. № 8. С. 29. Подробные цифровые данные по годам опубликованы в той же газете за 1853 г. (14 февраля. № 7. С. 25).

негодяем, и умерла от побоев. Её сестра с той поры наложила на себя страшное наказание и, разумеется, через несколько лет тоже погибла. Её подвижничество, писал Чернышевский, он «уже и тогда понимал как чисто человеческий подвиг, не фантастическое стремление, а страдание о действительном несчастье нашей простой человеческой жизни» (I, 586).

Из того же ряда история жизни юродивого, блаженного Антона Григорьевича или Антонюшки, личности легендарной в саратовском мире той эпохи.¹¹⁵ Всё его «юродство» заключалось в том, что он сознательно отрёкся от всех мирских благ и проповедовал идеи душевного спасения. Когда-то Антон Григорьевич был небедным тружеником-хлебопашцем, но в один из тяжёлых голодных годов его увлекла жалость к умирающим от голодной смерти односельчанам. Пристрастившись к деятельности «брата милосердия», он со временем забросил своё хозяйство и «обратился к подаванию нравственной помощи», находя в этом единственный смысл жизни. Он заботился о неизлечимо больных и бесприютных бедняках, уговаривал богатых делиться с бедными, пуская в ход «иронические юмористические обороты». Наталкиваясь на равнодушные, он принимался за особое «юродство»: нанимал извозчика и отправлял с ним больного к ничего не подозревающим хозяйкам. На него жаловались, «жалобы были основательными», прибавляет не без иронии Чернышевский. Полиция преследовала его, порою и сами горожане «бывали его сильно».¹¹⁶ В семье Чернышевских-Пыпиных на Антонюшку смотрели как на человека «доброего, стремящегося делать хорошее», к его же странностям и экзальтациям, порождённым невежественностью, необразованностью, относились снисходительно. Пелагея Ивановна даже дружила с ним, и «Антонюшка, – писал Чернышевский, – считал наш дом одним из вернейших своих приютов от гонений» (I, 593). Закончилось юродство Антонюшки тем, что однажды, «после долгой отлучки», он явился к Чернышевским и представился купцом 2-й гильдии. Сыновья его пошли служить по откупам, переселились в Петербург, а купец Антон Григорьевич утешался их успехами по службе – «это уж такая проза, что из рук вон плохо» (I, 596), – заключает Чернышевский свой рассказ о «юродивом».¹¹⁷ Читатель невольно приходит к выводу, что во времена своего юродства гонимый Антонюшка был больше человеком, чем пользующийся уважением горожан купец Антон Григорьевич. И чтобы пояснить обстоятельства, приведшие к такой перемене, Чернышевский переходит к рассказу о

¹¹⁵ Фамилию Антонюшки установить не удалось. Саратовский историк-краевед С. А. Щеглов называет его Дубинкиным (Труды СУАК. Вып. 25. 1909. С. 305–306). Неизвестный автор «Саратовского дневника» (1888. 26 июня. № 135) сообщил, что юродивый Антонюшка – Антон Григорьевич Знаменский, происходивший из бывших крепостных крестьян Вязовской волости Саратовского уезда помещицы Челюскиной, и что отец его был младшим ключником. Саратовец В. И. Дурасов говорил о Пустовойтове, который был уроженцем г. Петровска, где имел собственный дом, и до юродничества числился купцом 3-й гильдии, занимался торговлею, переданною впоследствии сыновьям (Сар. дневник. 1888. 29 июня. № 137; см. также: Лит. наследие. Т. 1. С. 715).

¹¹⁶ С. А. Щеглов (см. примеч. 2) писал, что Антонюшка «восставал на живущих неправдою – бил окна у местных домовладельцев и в полицию». «С Антонюшкиным „жезлом“, – писал В. И. Дурасов, – пришлось как-то познакомиться на базаре одному квартальному надзирателю, которого Антонюшка накрыл на месте преступления и уличил в лихоимстве. „Начальство обманешь, а Бога никогда!“ – приговаривал Антонюшка, расправляясь с оторопевшим блюстителем порядка, только что сорвавшим взятку с какой-то торговки».

¹¹⁷ На основании сведений, сообщённых В. И. Дурасовым, С. Н. Чернов приводит следующие подробности из жизни Антонюшки, который бросил юродство лишь на короткое время и продолжал свои чудачества и в 1850-х годах. «И летом и зимою Антонюшка ходил в белом холщовом балахоне и в пояркоковой крестьянской шляпе с перехватом, украшенной разноцветными лентами, опираясь на высокий посох, тоже украшенный такими же лентами и привязанными к набалдашнику связками бубликов и мелких кренделей. Через плечо у Антонюшки всегда была повешена торба с овсом или пшеном, которым он кормил голубей и других пернатых». Значительную часть всяческих добротных даяний он раздавал нищим, вёл нравственную проповедь, обличал житейские пороки. Особенно нападал на монахинь Саратовского женского монастыря, торговков с Верхнего, Пешего базаров и полицию, ругал их и даже бивал посохом. По рассказам В. И. Дурасова и саратовца И. Я. Славина, самым крупным выступлением Антонюшки был протест против осуждения и расстрела одного молодого человека по обвинению в поджоге – крестьянина Кириллова (И. Славин называет его Храмовым), о котором говорили, что у него отец отбивал жену и что он, не выдержав, поджёг дом, отчего сгорело более половины села. Юноша был расстрелян в части города, где впоследствии воздвигнуты здания университета, и там же похоронен. Антон Григорьевич обыкновенно зажигал лампы на его могиле, бил в свой колокол, пел молитвы, провозглашая невинность крестьянского юноши. По уверению Е. Н. Пыпиной-Нейман, Антон Григорьевич дожил до конца 1890-х годов. (См.: Лит. наследие. Т. 1. С. 715–716.)

«человеке очень редкого благородства», медике Мариинской колонии Иване Яковлевиче Яковлеве.

Замечательно одарённый врач, заметно выделявшийся на фоне даже неплохих саратовских медиков, Яковлев страдал запоем. Он не был пьяницей, а между людьми, страдающими пьянством и пьющими запоем, существует, говорит Чернышевский, важная разница. Пьянство возникает как результат нравственной распущенности. Таким, например, стал один из родственников Голубевых Матвей Иванович Архаров, и пьянство достойно порицания. Запой же, разъянял Чернышевский, связан с тем, что обычно называют меланхолией, своё происхождение ведущей от неудавшейся жизни и общего порядка дел. «Характер жизни, о которой я говорю, – писал Чернышевский, – очень благоприятствует развитию меланхолии: тосклива эта жизнь, очень тосклива» (1, 599). По цензурным условиям яснее было выразиться нельзя в произведении, предназначенном для опубликования, но и из этих слов видно, что Чернышевский считал запой социальной болезнью, предопределённой давящей крепостнической действительностью. Талантливый врач, способный к плодотворной научной деятельности, вынужден жить в захолустьи, где никому нет дела до его выдающихся способностей. Умный человек, он недолго обольщался мечтами о научном поприще и, придавленный обстоятельствами, предался меланхолии, которая «в условиях русской простой жизни» превратилась в запой.

Судьба Яковлева сложилась трагично. Он полюбил крепостную крестьянскую девушку, работавшую у него кухаркой. Их связь длилась долгие годы, и Иван Яковлевич по своей инициативе решил жениться на ней, предварительно выкупив её у помещицы, которой его невеста принадлежала по закону. Пока длилась переписка с помещицей, друзья Яковлева, полагая, что они для его же пользы обязаны предупредить брак дворянина с крепостной, послали без его ведома к помещице письмо с просьбой спасти их товарища из рук «твари», опутавшей Ивана Яковлевича. Помещица поверила наговорам и потребовала возвращения экономки, отказав в разрешении на брак. Та не могла ослушаться приказа, а Яковлев вскоре покончил с собой, перерезав горло бритвой.

Крепостническая действительность – вот подлинный виновник безрадостного существования слабоумного мальчика, крестьянской девушки, не сумевшей найти верную дорогу в жизни, талантливого врача Яковлева. Именно крепостническое сложение жизни сломало первоначальные убеждения Антонушки, нравственный бунт которого приобретал социальный характер и не мог иметь успеха. Либо смирись, либо гибни – такова альтернатива, жёстко поставленная всей системой взаимоотношений человека и среды. Чернышевский значительно позднее сможет осмыслить причинную связь описанных им событий, но первый толчок к непредвзятому их восприятию получен именно в детстве.

Мученичеству девушки, движимой глубоко нравственным чувством, описаниям юродства Антонушки и трагической судьбы врача противостоит рассказ о Матвее Ивановиче Архарове. «Он был очень богомолен и благочестив, говорил о божественном» – за этой внешней характеристикой следуют разоблачающие подробности из жизни типичного крепостника в своей семье, «урода и тирана». Его жена, Александра Павловна, «благородная, почтенная женщина», «умная и очень рассудительная», стала жертвой грубого произвола и самодурства.¹¹⁸

¹¹⁸ По воспоминаниям Е. Н. Пыпиной, Александра Павловна Архарова, урождённая Морщикова – дочь землемера. После смерти матери осталась сиротой в трёхлетнем возрасте и взята на воспитание саратовской помещицей, «какой-то княгиней», «у которой в имении, кроме молоденьких родственниц, было всегда ещё две-три воспитанницы и к которой каждое лето приезжал родственник, Михаил Юрьевич Лермонтов», учившийся тогда ещё «в корпусе». В эти свои приезды, как рассказывала Александра Павловна Е. Н. Пыпиной, Лермонтов «ужасно донимал родных и чужих девиц разными шутками и насмешками необыкновенными», «так что, как он приедет, так нам мучение одно: насмехается, шутит такими шутками, какие нас обижали». В доме княгини Александра Павловна получила хорошее образование и воспитание, она «журналы брала читать и читала не одни повести и рассказы». М. И. Архаров в последние годы служил бухгалтером в саратовской палате государственных имуществ; умер летом 1851 г., паспорт, выданный вдове Архаровой из этой палаты, датирован 4 сентября 1851 г. (Лит. наследие. Т. 1. С. 717–718).

«Собираются они в Киев да в Москву Богу молиться, – передаёт Чернышевский рассказ Пелагеи Ивановны, – мало места ему, дураку, в саратовских-то церквах, – просторные, хотя во весь рост растягивайся на полу-то по будням-то: просторно, никого нет, – и полы-то каменные: хоть пробей лоб-то, коли усердие есть, можно, камень-то здоровый, выдержит. – Тащит Александру Павловну с собою, да и только. – „Да что ж мне ехать, – она говорит, – когда не на что тебе одному. Зачем я поеду?“ – „Ах ты подлячка! Да разве ты не жена? Я за твою душу-то должен отвечать. Да и сладко ли мне будет смотреть, как ты в аду-то будешь сидеть?“ – Вот тебе и резон. Так и взял с собою. И натерпелась же она мученья в этой дороге! Сам ест как следует, а её сухими корками кормит. Это, говорит, лучше для душевного спасения. – Ну, недостаёт её терпенья, – да и смешно уж ей с горято. Говорит: – „Матвей Иванович, что ж это, меня корками спасаешь, а сам ешь как следует, – ты бы уж и себя-то спасал“. – „На тебе много грехов, говорит, тебе надобно смирять себя постом и умерщвлением плоти, а мне уж нечего, на мне грехов нет никаких“. Так ведь и говорит, дурак. Праведник какой завелся. – Лошадёнка плохая, – как дождик, чуть дорога в гору, она и становится. – Что же вы думаете? – Сам сидит, а жену гонит с телеги: „Слезай, говорит, лошади тяжело, ступай пешком“. – „Матвей Иванович, ты в сапогах, да и то не слезаешь, а я в башмаках как буду идти по такой грязи?“ – „Мне, подлячка, можно сидеть, на мне грехов нет, а тебе надо пешком идти, чтобы усердием этим искупить свои грехи“. – Так и сгонит с телеги, и идёт она пешком по дождю да по грязи. Вот они какие праведники-то. У них у всех сердце жестокое. В них человеческого чувства нет» (I, 622–623).

Право измываться над женщиной Архаров получил благодаря веками утвердившейся домостроевской традиции безусловного подчинения женщины в семье. Подкреплённое крепостничеством и освящённое авторитетом церкви это подчинение и зависимость доходили порою до изуверства, поражавшего воображение юного Чернышевского. Уже в детские годы он получил возможность сопоставлять случаи различного отношения к женщине. «Семья наша была дружная, никто в ней не любил делать неудобного для других» (I, 594), «мои батюшка и дядюшка никогда не говорят своим жёнам сколько-нибудь грубого или жёсткого слова» (I, 625) – с одной стороны, и примеры жестокого тиранства, к тому же лицемерно прикрываемого благочестием, праведничеством и благопорядочностью – с другой. И хотя под влиянием Чернышевских-Пыпиных-Голубевых М. И. Архаров перестал тиранить жену, всё же дух иезуитства, фанатизма остался в нём навсегда, «и только Александру Павловну жаль, заел её век» (I, 632).

Деревенская девушка, потерявшая сестру и брошенная на произвол судьбы, честная женщина, полюбившая врача и лишившаяся личного счастья только потому, что была «крепостной девкой», благородная и образованная Александра Павловна Архарова, ставшая жертвой безнаказанных истязательств мужа-изувера – таковы наводившие на размышления своею подавляющей обыденностью факты крепостнической жизни, выводимые из «фантастической» части воспоминаний Чернышевского о детских годах.

Итак, события фантастического, сказочного свойства – и это было особенностью их бытования – корнями уходили в живую действительность, ею объяснялись и сквозь её призму растолковывались.

Далее в автобиографии существенное место отводилось уже описанию фактов «действительной народной жизни». «Всякая история, обещаясь рассказывать жизнь народа, – иронически пишет Чернышевский, – вместо того рассказывает жизнь правителей, чего обещается не делать. Стало быть, и моя история поступит так же» (I, 648).

Приступая к характеристике «верхов» саратовского общества, Чернышевский логично переходил от повествования о жертвах зла к рассказу о носителях зла, осмысленных как родовое, типическое явление. Одним из первых правителей Саратовской губернии был Алексей Давыдович Панчулидзе – «Людовик XIV моей саратовской истории» (I, 651). Светские балы и праздники, кутежи, бесконечные увеселения, которым предавался губернатор и его ближайшее

окружение, обнаруживали паразитизм и тунеядство власть имущих. Праздный образ жизни правящей элиты резко контрастировал с трудовой обстановкой, наблюдаемой Чернышевским в семье, и не мог не пробудить критического отношения и оценки. Саратовцы знали об истинных источниках губернаторских доходов, слагающихся из незаконных денежных афер, взяток и обираний простаков. О времени Панчулидзева, начальствовавшего до 1826 г., Чернышевский судил лишь понаслышке. Но он был знаком с людьми, ставшими жертвами губернаторского произвола и по их судьбам мог самостоятельно судить о характере правления саратовского самодержца. С семьей Чернышевских дружила некая Катерина Егоровна, «очень добрая, кроткая, по тогдашнему времени очень образованная женщина». После смерти её отца осталось около 40 тысяч рублей, но по малолетству Катерина Егоровна не могла распорядиться наследством и его принял на себя в долг губернатор. Разумеется, деньги не были возвращены, и бедная женщина осталась ни с чем.

У другого саратовского губернатора сын сделался грабителем и убийцей – «и ничего, Саратов благодушествовал». Сначала убивали ночью, затем распространили свои занятия на время рассвета и сумерек, а потом стали резать людей уже при дневном свете, «особенно хорошо и много резали на площади Нового Собора». «„Нельзя, губернаторский сын“, – говорила полиция. – „Что делать, губернаторский сын“, – говорил город. И благодушествовали <...>. Это было уже в 40-х годах, в губернском городе, на главных улицах и площадях города» (I, 655–656). Чернышевский рассказал и другой памятный ему случай, когда тот же герой однажды вздумал упражняться из окна губернаторского дома в стрельбе из ружья по каблукам туфель прогуливавшихся в соседнем саду женщин, «но не удалось: пуля вошла в землю довольно далеко от пятки, для которой предназначалась, – четверти на две промахнулся» (I, 657). Подвиги не в меру развеселившегося балбеса закончились тем, что отец принёс сына «на алтарь отечества», то есть «написал письмо, в котором говорил, что вот сам доносит о беззакониях своего сына, пусть делают с сыном, что хотят, хоть казнят смертью, он, отец, будет рад. Сына отправили из Саратова на Кавказ». Последняя фраза – лучший сатирический комментарий ко всему эпизоду об удалом разбойничке.

В годы детства Чернышевского произошёл и такой курьез. Однажды старушки из окружения Пелагеи Ивановны обнаружили, что по вечерам на незаселённой Соколовой горе теплится огонёк, и решили: быть скоро в Саратове святым мощам. Через некоторое время окружили дом, в который забрались пограбить какие-то неизвестные люди, и на месте преступления нашли офицерскую шпагу с фамилией владельца. Им оказался Баус, один из четырёх частных приставов города. Как выяснилось, логовом банды, во главе которой стоял блюститель порядка, была небольшая пещера на Соколовой горе. «Смотри-ко что вышло, – говорили мои старушки: – а мы совсем не то полагали на Соколовой-то горе» (I, 660).

Однако преступления должностных лиц, как свидетельствуют документы, зачастую скрывались. Арестованный Ф. Я. Баус после расследования его дела в саратовской уголовной палате и сенате был признан виновным лишь в превышении служебных полномочий, а обвинение в соучастии с грабителями, несмотря на прямые улики, осталось недоказанным.¹¹⁹

Среди детских впечатлений о нравах тех, кто имел власть или деньги, память Чернышевского удержала жуткий в своих подробностях рассказ о жестокости помещика Баташова. Узнав от соседа, что крестьяне, бывшие у того на оброке, высказали своё нежелание жить вместе с баринном, потому что ожидали от него перемен к худшему («ты нам люб, когда не станешь жить с нами; а хочешь с нами жить, так не люб», – говорили ему мужики), Баташов перекупил у него деревеньку, чтобы «наказать разбойников». «Купил я вас, – сказал он собравшимся на сход крестьянам. – Вы своему прежнему помещику сказали, что он не люб вам, ну, а мне вы не любы», – и он приказал своей дворне вынести из крестьянских домов мужицкие пожитки и

¹¹⁹ Подробнее о Ф. Я. Баусе и его деле см.: Чернов С. Н. Примечания // I. С. 810–811.

уложить на заранее пригнанные телеги. Затем по его распоряжению обложили избы соломой и подожгли, а крестьян насильно развезли по другим принадлежащим их новому владельцу деревням. На следующий день пожарище расчистили, и на образовавшейся поляне Баташов приказал разбить палатку, в которой изволил отобедать вместе с гостями после охоты (XII, 592–595).

Памятным на всю жизнь оказалось для мальчика посещение с одним из своих дальних родственников саратовского купца Корнилова. Дом Корниловых в те годы считался самым большим в городе после трех или четырех казенных зданий – «в два этажа, 18 окон на нашу улицу и 7 окон на Московскую улицу. Угол дома был закруглён и поднят куполом, выкрашенным зелёною краскою, между тем как остальная тоже железная кровля была красная» (I, 693).¹²⁰ Нарядный фасад скрывал между тем грязное, скупое, гнусное и никчемное существование людей, едва ли не самых богатых в Саратове. Глава семейства Степан Корнилыч ютился в маленькой комнатке и встретил гостей в нанковом халате, засаленном до того, что «только пониже колен можно было рассмотреть зелёные полоски по жёлтому полю, а с колен до самого ворота все сливалось в густой изжелта-чёрный цвет от толстого лака жирной грязи». С гоголевской наблюдательностью описывает Чернышевский, как хозяин, вздумавший угостить пришедших чаем, потными и грязными руками (такие «даже у меня редко бывали после игры в бабки») долго растирал крупинки чая, подстлав давно не стиранное полотенце, в которое только что высморкался, затем получившиеся три щепотки влажного от пропитавшегося пота порошка всыпал в чайницу и, проведя полотенцем по вспотевшему лицу, стал вытирать всё тем же полотенцем чашки. Далее следует сцена избиения подвыпившего хозяина его женой, налетевшей на него, «как ворона на падаль». Старуха била его туго скрученным из большого шейного платка жгутом, не разбирая места; «удары сыпались по затылку, по темени, по вискам», а потом погнала его пинками в чулан и заперла там. На слова Никиты Панфилыча, с которым Николай Чернышевский пришёл в гости к Корниловым, она горько пожаловалась, что уже 60 лет муж жестоко истязает её: «уж я тебе показывала, <...> Смотри, где серьгито!» В одном ухе серьга была вдета на половине, в другом выше половины, – и точно, ниже не было для них места: нижние половины ушей были в клочках, глубоко изорваны, чуть не до самого корня. Но ходить без серёг зазорно женщине, и потому как муж вырывал серьги с клочком ушей, Прасковья Петровна отыскивала подальше от отрывной каймы и повыше новое место для этого необходимого украшения. На каждом ухе было десятка по полтора следов этих прежних положений». Старуха вымещала на Иване Корнилыче прежние поругания. Однако во всем остальном она была точно такой же, как её муж. Скупость её дошла до такой степени, что ей жалко стало накопленного золота даже для детей, и она тайком зарыла деньги в землю. После её смерти родственники так и не отыскали клада, доставшегося, как гласила саратовская молва, купившему дом лавочнику Сырникову, который вскоре сделался вдруг богатым и удачливым купцом (I, 697–698).

В воспоминаниях Чернышевского о юношеских годах история «общественной жизни Саратова» включала и ряд эпизодов, изображающих народ в его отношениях к властям. Однажды в детстве он наблюдал сцену преследования полицейским и несколькими будочниками большой толпы молодых и крепких мужчин, участвовавших в кулачном бою на Волге. Такие бои запрещались, и один вид представителя власти обратил бойцов в паническое бегство. Отважные, разгоряченные боем люди «вдруг бегут, как зайцы, от нескольких завиденных вдали крикунов, которые не смели бы подойти близко и к одному из них, если б он хоть слегка нахмурил брови и сказал: назад! – не посмели бы, потому что он один сомнёт их всех одним движением руки» (I, 663). Такое поведение противоестественно, нелогично, но у жизни своя логика, по которой, поясняет Чернышевский, волк есть овца, медведи – телята, дуб это хилая

¹²⁰ Здание сохранилось в Саратове до наших дней – ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. № 186.

липа, свинец есть пух, белое есть чёрное. В те годы Чернышевскому эта алогичность ещё не понятна, он не знает способов её устранения. Юное сознание лишь фиксирует само событие, наводящее на размышление о причинах столь беспрекословного подчинения сильных людей какому-то будочнику-замухрышке.

В красивом и живописном городе Саратове люди не жили счастливо. А что город был действительно живописен, свидетельствуют содержащиеся в автобиографии описания, которые можно отнести к лучшим в мемуарной и даже художественной литературе о Саратове. Приведём некоторые. «Горы огибают Волгу полукругом, имеющим верст 20 по берегу в длину, верст 5, 6 в глубину по своей середине. Саратов лежит в этом амфитеатре на предгорьях северной стороны; местность живописна. Соколова гора, – так называется та часть стены амфитеатра, к которой прилегает Саратов, – видна со всех улиц города. Она подходит полною своею высотой к самому берегу реки, – отвесным обрывом, – это так обрезал её напор течения в разлив реки, когда вода поднимается на несколько сажен по этому обрыву. Когда вода спадает, остаётся между обрывом и водою узкая, но довольно пологая полоса побережья. Противоположный конец амфитеатра синее далеко мысом, врезающимся в Волгу»; «Амфитеатр гор прекрасен. На 25, 30 или больше верстах полукруга горы множество лощин, буераков, – и диких, и светлых, весёлых, – иные из них прелестны. Мне помнится, например, Баранников буерак <...>. В очень многих лощинах и ущельях гор – сады; и по предгорью внутри амфитеатра много садов <...>. Верстах в 3,4 от берега Соколова гора спускается в глубину амфитеатра довольно отлого; весенняя вода с северного края амфитеатра, нашедши небольшой перегиб в отлогости спуска, обратила его в глубокий овраг; этот овраг и отделяет предгорье, принадлежащее настоящему городу, от горы. Вдоль оврага подъём от берега в глубину амфитеатра ровный, пологий; но дальше к югу предгорье падает к берегу террасою; между террасою и берегом весенней воды идёт полоса с полверсты шириною. Эта прибрежная полоса, крутой спуск террасы, вся терраса занята городом; ещё дальше вниз по Волге, к югу, терраса опять незаметно переходит в дно амфитеатра, – зато само дно поднимается довольно высоким берегом, – и это всё застроено, отчасти уж на моих глазах; ещё дальше начинаются поёмные луга, с небольшими озерами или большими плоскими блюдечками воды, остающимися от разлива. Но до этих мест ещё несколько вёрст от нынешнего конца города. <...> Знакомый, ежедневный в тёплое полугодие, был берег Волги <...>. Что берег играл важную роль в жизни ребёнка, это разумеется; но и вид Волги, хоть я не любил любоваться ею, был тоже родной, – роднее всего, кроме своего двора, моему детству. Окна дома, в котором жили мы, выходили на Волгу. Всё она и она перед глазами, – и не любишь, а полюбишь. Славная река, что говорить» (I, 672–675).

Следует отметить, что Чернышевский, хорошо знавший неустроенность бытовой стороны города, не сказал в автобиографии ни одного слова о неприглядных подробностях, известных, например, в таких изображениях местных стихотворцев:

Хорош Саратов – загляденье!
Въезжай в него и осмотрись:
На улицах, между строений,
Репьи кустами разрослись.
Порой по улице широкой
Встретишь козу или свинью,
Иль кошки остов одинокий,
Сложившей голову в бою.
Уж если грязь, так грязь такая,
Что люди вязнут с головой,
Но мать-природу обожая,

Знать не хотят о мостовой.¹²¹

Введённые Чернышевским в автобиографию красочные описания города должны были, по мысли автора, контрастно оттенить главную социально-обличительную сторону повествования. В ярких картинках заключён примерно тот же смысл, какой содержит некрасовская строка в стихотворении «Железная дорога»: «Нет безобразья в природе...» Мы далеки от мысли утверждать, что Чернышевский уже в детские годы осознавал несовместимость красот в природе и безобразий в общественной жизни. Но нет оснований и отрицать полностью возможности возникновения подобных сопоставлений в его формирующемся сознании: настолько эти контрасты были очевидны и лежали на поверхности, бросались в глаза. Биографы не располагают другими материалами, которые позволили бы судить об отношении юного Чернышевского к природе, и они вправе воспользоваться представляемыми автобиографией сведениями именно в том плане, в каком употреблены самим автором, опирающимся на личные детские впечатления. Можно думать, что красоты природы Чернышевский с юных лет зачастую не воспринимал иначе, как через призму пока ещё смутных, не достигших глубокого социального обобщения и лежащих в области христианской идеи любви к ближнему размышлений о человеческом счастье, «о прекрасной и доброй жизни» (I, 671). Может быть, только в этой связи и открывается подлинный смысл заявления Чернышевского, будто в молодости он «не был охотником любоваться» природою, «а в детстве и тем меньше» (I, 673).

«И не любишься, а полюбишь», – говорит Чернышевский о Волге. Что же заставляло его не любоваться тем, что «роднее всего, кроме своего двора»? Думается, не будет казаться натяжкой предположение о связи этих слов о Волге с тяжелейшими картинами бурлачества. Составляя в сибирской ссылке «Записку по делу сосланных в Вилюйск Чистоплюевых и Головачевой», Чернышевский привёл следующий их рассказ: «Случись бурлаку захворать на судне, стащат его на берег, бросят. <...> Он так и лежит, покуда придёт полиция, подберёт его». И Чернышевский подтверждает эти слова своими воспоминаниями: «Я, когда ребёнком гулял по берегу в Саратове, видел, что в Саратове тогда это было так» (X, 545–546).¹²² Эстетическое чувство, в котором трудно отказать автору автобиографии, постоянно оскорблялось наблюдаемыми ежедневно картинами жестокости и произвола. Выводы будут сделаны Чернышевским позже, но материалы для выводов, по его собственному признанию, готовились в детские годы: «У меня есть своя теория, которая одним из своих оснований имеет и моё личное знакомство с обыденною жизнью массы, – а значительная доля этого знакомства приобретена мною ещё в детстве» (I, 643).

Другим важнейшим источником, содержащим сведения о явлениях саратовской крепостнической жизни, являются воспоминания А. Н. Пыпина. «Уже тогда, в моём раннем детстве, передо мной мелькали, конечно, мало сознаваемые, но тем не менее производившие тяжёлые впечатления, – писал двоюродный брат Чернышевского, – <...> мрачные картины насилия, жестокости, подавления личного и человеческого достоинства. Случалось слышать, а иногда и самому видеть проявления крепостного произвола». Таковыми были сцены «торговой казни» – публичного наказания кнутом, «невыносимо тяжёлое» зрелище рекрутского набора, всенародные экзекуции, которым подвергались солдаты квартировавшего в городе полка. Приходилось слышать и о «бунтах крестьян».¹²³ Пыпин писал о таких крестьянских бунтах, под которыми

¹²¹ Чешихин-Ветринский В. Е. Ранние годы Н. Г. Чернышевского. Из истории русского общества и литературы // Вестник Европы. 1908. Кн. 7. С. 6–7.

¹²² См. также: Чернышевская. С. 28. Иначе описывали Волгу тех лет досужие путешественники. «По влажному хребту Волги, – сообщал один из них в 1835 г., – беспрерывно тянутся ещё бичевою огромные досчаники; летают белым парусом открытые суда, – и ходят уже дымные пароходы. Всё это вместе составляет картину разительного великолепия...» (Сабуро в В. И. Поездка в Саратов, Астрахань и на Кавказ // Московский наблюдатель, журнал энциклопедический. 1835. Кн. 6. С. 181).

¹²³ Воспоминания (1982). С. 107.

власти разумели даже простые мирные жалобы крестьян на невыносимые жестокости помещиков, не говоря уже о более серьезных случаях неповиновения. На весь край, например, на шумели в 1841 г. волнения крестьян, получившие название «картофельного бунта». Крестьяне Петровского и Кузнецкого уездов отказались сеять картофель на землях, которых не хватало и под зерно. Только с помощью военной силы властям удалось привести «бунтовщиков» «в полное повиновение».¹²⁴ К сожалению, мы не располагаем даже косвенными указаниями на знакомство Н. Г. Чернышевского или А. Н. Пыпина с этими фактами народного движения и лишь предположительно можем утверждать, что в юности они могли слышать о подробностях «картофельного бунта» от своих отцов, часто разъезжавших по губернии по делам службы. Может быть, к этим событиям относились слова Пыпина, произнесенные им в юбилейной речи в 1903 г.: «Достигли до слуха рассказы, где в неясных, но мрачных очертаниях виделись тяжёлые стороны тогдашней крепостной жизни, своеволие помещиков, крестьянские „бунты“, убийства».¹²⁵

Крепостные были у Пыпиных (они обслуживали также и семью Чернышевских), но отношения между ними были, по словам А. Н. Пыпина, «дружелюбные», «патриархальные». Ничего похожего на злоупотребление властью в обеих семьях не допускалось.¹²⁶ Подобные примеры простых сердечных отношений не могли не служить для Николая Чернышевского доказательством могущественности христианской идеи любви к ближнему как средства решения социальных противоречий. В последующем изложении его биографии мы увидим, что эти идеи играли важную роль в первоначальных размышлениях о «прекрасной и доброй жизни». В результате принятого в семье Чернышевских-Пыпиных воспитания в его основе лежали привычки соотноситься с реальной жизнью. По словам Чернышевского, «жизнь моего <детства> действительно почти не имела соприкосновения с фантазмагорическим элементом, потому что его не было в жизни моих <родных>, моего народа, которая тогда охватывала меня со всех сторон» (I, 646–647), и мальчик не мог не задумываться над такими сторонами окружающей действительности, которые впоследствии станут предметом глубокого социального анализа, определившего важнейшие черты его революционно-демократического воззрения. В детские годы, в эту «первую, очень важную эпоху развития», такое воспитание «имело важность, – писал сам Чернышевский, – для объяснения моих личных тенденций, моего образа мыслей и моих общественных отношений» (I, 579, 580). То же характерно и для «всего нашего племени», – указывал он, имея в виду разночинную интеллигенцию, составившую в 1860-е годы огромную общественную силу.

¹²⁴ Подробнее см.: Чернышевская. С. 33–37; Годин В. С. О распространении картофеля в Пензенском крае // Поиски и находки. Из записных книжек краеведов. Саратов, 1984. С. 21.

¹²⁵ Герцен Б. Б. Александр Николаевич Пыпин. (Материалы для биографии и характеристики) // Исторический вестник. 1905. № 1. С. 266.

¹²⁶ Воспоминания (1982). С. 105.

Глава вторая. Ученические годы

5. Духовное училище

Первой фразой, написанной Николаем Чернышевским по-русски под наблюдением отца, была: «Академия есть высшее училище».¹²⁷ Имелась в виду, конечно, духовная академия, где по разным обстоятельствам не пришлось учиться Гавриле Ивановичу и куда он мечтал определить своего сына. Фраза о духовной академии составляла единый контекст с занявшими в прописях последующее место словами «Бога люби паче всего», подчёркивая общую религиозную основу в воспитании. Фразой об академии, которая должна была запомниться Николаю как первое связное самостоятельное письмо и которой, наверное, предшествовали всякого рода пояснения, Гаврила Иванович пытался внушить сыну необходимость получения высшего духовного образования, возбудить уважение к нему и стремление непременно достичь однажды поставленной цели.

Начальной ступенью на пути в академию являлось духовное училище с шестилетним курсом обучения. За год до поступления Николая в училище отец начал свои занятия с ним – 25 июля 1835 г.¹²⁸ Они велись систематически, без больших пропусков, несмотря на огромную занятость Гаврилы Ивановича по службе. Занятия, как это видно из сохранившихся тетрадей, продвигались быстро. Изучение букв русского алфавита и цифр закончилось в три приёма. На оборотной странице третьего листа мальчик уже вывел свою первую фразу. Обычная дневная норма – многократно повторенное до конца страницы выписанное отцом в качестве образца слово (или фраза).

Сначала записывались односложные фразы. Религиозные изречения чередовались с житейскими сентенциями, вроде: «Друг верный неизменен», «Желай всегда доброго», «Истины всегда держись», «Лжи и обмана избегай», «Учение полезно: учись, не ленись», «Честный человек всеми любим», «Счастье непостоянно», «Ешь и спи умеренно», «Юным прилична скромность», «Яства сладкие портят зубы». Вперемешку с ними – сведения научного характера: «Земля есть третья планета», «Философия есть наука», «Шарообразна есть земля». Затем последовали более сложные предложения. 8 сентября: «Повинуйся твоему государю, почитай его и будь послушен законам».¹²⁹ Записано, по-видимому, под диктовку, потому что на рукописи нет следов отцовской руки. Нет на нём и даты, – специально отмечались самые значительные сентенции, но дата легко выводится: 2 сентября уроки стали ежедневными, а следующая страничка имела число. Этой записью открывался новый этап в обучении сына, и не случайно Гаврила Иванович, убеждённый монархист, продиктовал фразу о повиновении государю. Подобно начальным словам об академии и Боге, это нравоучительное изречение, преследующее цели первого политического воспитания, втолковывалось юному Чернышевскому в качестве непреложной истины. С опровержения именно этой догмы начнёт Чернышевский свое политическое самообразование в студенческие годы.

Последовавшее затем предложение также заслуживает особого внимания: «Любовь к славе есть главнейшая страсть всех вообще людей». Фраза записана, вероятно, под диктовку отца и датирована 9 сентября 1835 г. Думается, фраза проливает свет на черту характера Гаврилы Ивановича, которая, при его скромности, не часто обнаруживала себя и осталась не замеченной современниками-мемуаристами: стремление к почётной известности, признанию

¹²⁷ РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 279. Л. 3 об.

¹²⁸ Там же. Л. 1.

¹²⁹ РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 279. Л. 18.

заслуг и способностей. Он не был честолюбцем, но славы не сторонился и не считал «любовь к славе» чем-то зазорным, достойным порицания, как это видно из его наставлений сыну. В течение 1835 и 1836 гг. фраза о славе повторится в тетрадах ещё восемь раз, с неё Гаврила Иванович начнет обучение сына переводу с русского на латинский язык.¹³⁰ Среди тщательно отобранных предложений для изучения греческого языка в сентябре 1839 г. находим и о славе: «Богатство тленно, слава бессмертна».¹³¹ Подобное отношение к славе будет унаследовано молодым Чернышевским вполне, и биографу важно сразу указать на источник происхождения довольно многочисленных высказываний Чернышевского о личной славе, понимаемой с возрастом, как увидим далее, в идейной связке со служением отечеству. С детства внушая Николаю мысли о славе, Гаврила Иванович, по всей вероятности, выражал тем самым желание видеть сына достигшим более высоких почестей, нежели испытал сам в своей жизни, ограниченной сферой саратовской деятельности, но и в этих пределах он получил самые высокие и почётные для священника должности, какие только существовали в то время в саратовской епархии.

10 февраля 1836 г. (в 11 часов 50 минут утра, как значится в рукописи) Николай под руководством отца приступил к изучению латыни.¹³² Через полгода он уже переводил с русского на латинский и обратно довольно большие периоды. Таким образом, ко времени поступления в духовное училище он был достаточно подготовленным учеником: хорошо читал и писал, знал начальную латынь – основной язык духовных наук.

В биографической литературе существует мнение, согласно которому Гаврила Иванович вынужден определить Николая в училище, иначе ему, как сыну духовного лица, грозила солдатчина.¹³³ Действительно, соответствующие постановления относительно детей церковных служителей в то время уже существовали, и Г. И. Чернышевскому они были хорошо известны. Сохранился подписанный им официальный документ, по которому указом от 12 июня 1831 г. «предписывается обратить в военную службу» тех, «кто из лишних по штату послушников не имеет священнослужительского звания».¹³⁴ Распоряжение основывалось на утверждённом царём докладе синода от 10 мая того же года и распространённом саратовской консисторией по епархии 12 июня, где указывалось, что в целях увеличения числа священнослужителей «с недостаточным образованием» необходимо оставить в духовном ведомстве лишь «всех обучающихся ныне в высших и низших учебных заведениях», и «без расстройств для духовной части могут быть обращены в военную службу все дети священно- и церковно-служительские, остающиеся без мест в епархиальном ведомстве, включая в сие число и тех, кто исключены из духовных училищ и семинарий за неуспешность, за непорядочное поведение или только по прошению уволены из училищного ведомства, не проходя в семинарии курса богословских или философских наук». По-видимому, именно этот последний документ имел в виду Ф. В. Духовников, когда писал о распоряжениях правительства брать в солдаты детей духовного звания. Однако при этом не учтено важное обстоятельство, выясняемое через тогдашние архивы. Возраст забираемых в армию детей устанавливался от 15 до 40 лет, и в тексте указа содержался пункт, имеющий прямое отношение к Гавриле Ивановичу и его сыну: «Ежели родители в таких же летах <т. е. в 50-летнем возрасте> не имеют более одного сына, и он по сим правилам должен был бы поступить в военное ведомство, то оставить сего единственного или последнего сына для призрения их старости».¹³⁵ Пятнадцатилетнего возраста Николай достигал в июле

¹³⁰ Там же. Л. 43.

¹³¹ Там же. Д. 282. Л. 2.

¹³² Там же. Д. 279. Л. 35 об.

¹³³ См.: Воспоминания (1982). С. 34; Чернышевская. С. 56.

¹³⁴ Архивный фонд Саратовского областного музея краеведения. Дело «Реестр сего Николаевского монастыря о получаемых из духовной консистории и из разных присутственных мест. 1831 года».

¹³⁵ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 71. Л. 2 об., 3.

1843 г., и в том же году отцу исполнялось 50 лет. Следовательно, солдатчина никак не угрожала Николаю Чернышевскому. Решение протоиерея Чернышевского поместить сына в училище продиктовано иными соображениями: дать ему необходимое духовное образование.

Биографы, ссылаясь на документальные материалы, называют две различные даты поступления в духовное училище. 5 сентября и 15 сентября 1836 г.¹³⁶ Проверка по первоисточникам подтвердила вторую. В «Ведомости об учениках вновь поступивших в Саратовское духовное уездное и приходское училище сего 1836 года» записано под № 4: «Николай Чернышевский, Нерукотворно-Спасской церкви протоиерея Гавриила сын, от роду 8 лет, сентября 15». В графе «Кто каких при первом испытании оказался способностей» отмечено: «Очень хороших». Далее указано, что он зачислен во 2-й класс 1-го училища, а в графе «Кто уволен в дом родителей для обучения» читаем: «В доме».¹³⁷ Последние два пункта нуждаются в пояснении.

Саратовское духовное училище по многочисленности учеников было разделено на равноценные 1-е и 2-е уездно-приходские училища. Приходское состояло из двух параллельных одинаковых классов, 1-го и 2-го, с двухлетним учебным курсом. Затем ученика переводили в уездное училище, сначала в низшее (двухгодичное) и, наконец, в высшее (тоже двухгодичное) отделения. Прошедших полный шестилетний курс училищных наук передавали в семинарию. 2-е училище располагалось в семинарском здании против Старого Собора,¹³⁸ 1-е, куда был зачислен Чернышевский, – в другом здании.¹³⁹

Правом обучаться «в доме» пользовался не один Николай Чернышевский: в 1836 г. их по училищу, насчитывавшему 775 человек, числилось 22.¹⁴⁰ Единственная преграда, которая ставилась родителям, пожелавшим самим содержать и учить своих детей, была сформулирована в предписании следующим образом: «Не увольнять в дома родителей, живущих не в том же месте».¹⁴¹ До 24 августа 1836 г., когда саратовское семинарское правление получило это новое указание, не существовало для Чернышевских и такого препятствия. Относительно малый процент обучавшихся в домах родителей объяснялся исключительно материальной стороной: содержание сына в училище обходилось намного дешевле. Да и образование в объеме училищной программы могли дать своим детям далеко не все. Таким образом, указание биографов, будто Г. И. Чернышевский добился зачисления сына на домашнее обучение благодаря своему начальственному положению среди духовенства епархии, не имеет под собой никаких оснований.¹⁴²

Пометка об увольнении «в дом родителей для обучения» – самое важное звено в биографии Чернышевского-ученика. Занимаясь дома под началом опытного педагога, каким был его отец, Николай ограждался от воздействия начётнической системы обучения, грубости учителей и вредного влияния со стороны некоторых детей, как пишет мемуарист, «не отличавшихся хорошей нравственностью».¹⁴³ Гаврила Иванович был хорошо осведомлён относительно процветавших в училище безобразиях, хотя его училищная служба прекратилась еще в 1830 г.: он неоднократно наведывался сюда и как экзаменатор-ревизор (например, в 1834 г.¹⁴⁴), и как член консистории.

¹³⁶ Юдин П. Н. Г. Чернышевский в Саратове // Исторический вестник. 1905. № 12. С. 871; Летопись. С. 12–13.

¹³⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 802. Л. 17 об., 18.

¹³⁸ Ныне ул. Челюскинцев, 12.

¹³⁹ В 1848–1849 гг. пустовавшие комнаты 1-го Саратовского духовного училища и каменный флигель сдавались посто-
яльцам по найму (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2441).

¹⁴⁰ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 802. Л. 141–144.

¹⁴¹ Там же. Д. 688. Л. 33.

¹⁴² См., напр.: Воспоминания (1982). С. 34.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 537.

Запоминающуюся картину царивших в тогдашних российских духовных училищах «порядков» оставил один из современников, приведший сочинённый учениками текст так называемой «Семинариады», первая часть которой посвящена училищным годам:

Вот стул с некрашеным столом,
Скамейки, парты в беспорядке:
На них разбросаны тетрадки,
В грязи весь пол и потолок;
Без стёкол окна, в кои дышит
Порой с Олимпа ветерок,
И на щеках камином пышет
Здоровья розовый цветок.
Во всём здесь хаос первобытный, —
В словах, и в мыслях, и в делах:
Одни твердят урок забытый,
А там хлопочут о лозах,
Шумят, шалют, дерутся, пляшут,
Теснятся, друг на друга скачут...
Всё будто слилось в бурный спор, —
Ну, просто – демонский собор.
Вдруг растворились настежь двери, —
Все разбежались по углам.
Вошёл учитель – присмирели
И мигом сели по местам.
Нотатки¹⁴⁵ подали. Учитель
Их взял и начал разбирать.
Он настоящий был мучитель...
Без оправданья начнёт драть
Он всех незнающих урока,
И этим чудно исправлял
Неисправимые пороки.
Он первым средством поставлял
Lignum medicum¹⁴⁶ от лени,
И точно – прав был в этом мненьи.¹⁴⁷

Это описание относится не к саратовскому училищу, но в нём немало и «саратовского» колорита. В этом убеждают рассказы современников и документы. «Когда учитель входил в класс, – вспоминал один из прошедших полный курс училищных „наук“, – то брал со стола нотатки и приказывал сечь учеников, имеющих отметку *ps* (*nesciens* – незнающий). Сечение производили обыкновенно дежурные ученики, сильные, рослые, которые ничему уже не учились и не подавали никакой надежды на успехи, но которые наводили на всех страх своим сечением. Весь интерес их школьной жизни заключался в розгах». Обычно дежурные (авдиторы) брали взятки со своих товарищей, и те, пока были деньги, на время уберегались от розог. Учителя тоже секли, «мы так и звали их живодёрами». В качестве поразительной изобретательности училищного начальства «в деле сечения» в цитируемом источнике приводятся такие

¹⁴⁵ Нотатки – тетрадь, в которой дежурные ученики отмечали степень готовности каждого к уроку.

¹⁴⁶ Исцеление деревом (лат.), т. е. розги.

¹⁴⁷ Петров Н. И. К истории внутренней жизни духовных семинарий. М., 1899. С. 10–11.

факты из письма ученика высшего отделения саратовского училища Петра Соколова от 14 июля 1839 г.: во время экзаменов «пред Пасхою сего года» ректор училища Амалиев приказал «распарить три пары лоз в молоке с перцем и вином» и жестоко высек ученика, так что тот «за полмертва вытащен был из класса и лежал с час без чувств».¹⁴⁸

И. Палимпсестов вспоминал, как по какому-то случаю похвастался, что ни разу не сечён. «„Поди, друг мой, – сказал ему учитель, – посекут; иначе ты будешь гордиться перед товарищами; а гордым Бог противится и только смиренным даёт благодать”. Ну и посекали».¹⁴⁹

Даже в официальные отчёты проникали сведения о неблагополучном состоянии училищ. В 1828 г. ректор училища Н. Г. Скопин извещал семинарское правление: «На классе чистописания ученикам не только невозможно разложить тетради на столах и писать, но и свободно сидеть нельзя, так что многие из них помещаются на полу». Ректор семинарии Спиридон, ревизовавший училище в 1834 г., писал в отчёте: «В училищных комнатах и классах тесно и стеснён воздух, многие из учеников, по недостатку средств купить, не имеют учебников». Ничего не изменилось и через 14 лет: в записке профессора семинарии Петровского, которому поручили ревизовать училище в 1848 г., сказано, что «у десяти учеников бывал один только учебник», в классах же доходило до 200 учеников в каждом.¹⁵⁰

В отчёты попадало далеко не всё. «Зимой нам была сушая беда, – вспоминал бывший ученик саратовского училища в 1834–1840 гг.: – двери разбитые, а часто их не было и совсем; звеньев в окнах не было и наполовину; печей не было и в помине, а если и были где, то развалившиеся. Об отоплении не было и речи не только в училищах, но и в семинарии. Все сидели как пришли, вдобавок к большому горю снимали шапки. Поднимется, бывало, метель, вьюга, в классе вертит снежный вихрь и несёт из окон в дверь... Мы мёрзнем, и сидим, конечно, без шапок, жарко было только тем, кого пороли». Что касается учителей, то самым добрым мемуарист назвал Гиацинтова, в классах же, где учителями были инспектор Архангельский и Церебровский,¹⁵¹ творилось такое, что было «выше всякого описания», «в училище нашем почти каждую минуту можно было слышать самые отчаянные крики: то в том классе секли, то в другом, то разом во всех вместе».¹⁵² На третьем году пребывания Н. Г. Чернышевского в училище случилась история, просочившаяся в официальные документы в следующих подробностях. 12 апреля 1839 г. 11 учеников низшего отделения семинарии и два из высшего отделения 1-го училища (Россов и Казанцев) подали на имя архиепископа прошение, в котором «прописали: в продолжение окончательной трети училищного курса г. инспектор училищ Гавриил Архангельский по различным притязаниям, соединённым с угрозами жестоких наказаний и под тем предлогом, что ему дана власть над поведением каждого из них и потому, что он будто бы имеет полное право переводить в семинарию, кого ему угодно и также кого ему угодно оставить, взял с них всех 261 р. 50 коп.». Ученики прибавляли при этом, что «тех способов, посредством которых он истязывал от них деньги, подробно описывать стыдятся, потому что они были низки и постыдны». Среди семинаристов, подписавших прошение, – Александр Благодетель (старший брат Г. Е. Благодетель), с которого инспектор получил 17 р. 35 коп. Епископ Иаков постановил «благочинному Чернышевскому присматривать известным ему образом под рукою за учащими, дабы не брали они никаких с учеников поборов, от которых могут произойти

¹⁴⁸ Лебедев А. К биографическому очерку Г. Е. Благодетель // Русская старина. 1913. Январь. С. 179–181. (Г. Е. Благодетель был учеником Саратовского духовного училища в 1836–1840 гг.)

¹⁴⁹ Палимпсестов И. Мои воспоминания. М., 1879. С. 25. Иван Палимпсестов (род. в 1819) учился в Саратовском духовном училище в первой половине 1830-х годов. С 15 июля 1840 г. назначен учителем латинского языка в низшее отделение училища и преподавал здесь до 1842 г. (См.: ГАСО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 65. Л. 12 об. – 13).

¹⁵⁰ Сар. еп. вед. 1870. № 8. С. 236.

¹⁵¹ По документам – Макарий Целебровский (род. в 1815). Учителем назначен с 24 июля 1836 г. в 1-е уездное училище высшего отделения по классу латинского языка (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 971. Л. 27).

¹⁵² Записки сельского священника // Русская старина. 1879. Ноябрь. С. 435–436.

самые вредные последствия и для просвещения, и для нравственности по духовному святилищу наук». Таким образом, дело Архангельского было хорошо известно в семье Чернышевских. 16 августа Иаков наложил резолюцию: «Архангельский не должен подавать повода на жалобы». ¹⁵³ Иными словами, инспектор-взяточник и растлитель оставался на своём месте и мог спокойно, только осторожнее теперь, продолжать поборы и притеснения. Такой поворот дела, слишком благополучный для инспектора, не устраивал учеников-разоблачителей, которые, конечно, сразу же стали главной мишенью для ответных ударов всесильного Архангельского, и они уговорили ещё одну жертву инспекторского «внимания» – ученика низшего отделения семинарии Николая Левитского – подать жалобу на Архангельского «о насильственных» со стороны инспектора действиях. На этот раз епископ вынужден был принять более суровые меры и резолюцией от 5 ноября отстранил Архангельского от инспекторской и учительской должностей. ¹⁵⁴

В списках училища Чернышевский числился до 1842 г. Занятий он не посещал, являясь лишь на экзамены. Из года в год он успешно переходил в следующие классы с неизменной аттестацией: «способностей и успехов весьма хороших» или «очень хороших». Об этом свидетельствуют «Ведомости об учениках обоих Саратовских духовных уездно-приходских училищ, обучавшихся в домах родителей». ¹⁵⁵

Архивные документы позволяют установить объем училищной программы. В первых двух классах ученики должны уметь читать на славянском языке из «Псалтиря» и «на гражданском» – из «Нового Завета»; знать имена речи из российской грамматики; уметь складывать и вычитать простые числа; иметь начальные сведения из нотного чтения. В низшем отделении учеников знакомили с основами латинской и греческой грамматики, изучали катехизис и церковный устав, углубляли знания по славянской грамматике и арифметике. Программа высшего отделения дополнительно к этим предметам включала сведения из географии («общие понятия о гражданских обществах и их образах правления и о вероисповеданиях, общий обзор Европы в физическом и политическом состоянии»), из священной истории (например, «царствование Саула, Давида, Соломона и общий взгляд на пленение вавилонское»). Обязательным условием для выпускников училища являлся перевод довольно сложных текстов с латинского и греческого языков. ¹⁵⁶

Из архивных же источников выясняется полный состав учителей, принимавших у Чернышевского экзамены. В первых два учебных года (1836–1838) это был Иван Ливанов, которому в 1838 г. исполнилось 22 года. Воспитанник пензенского и саратовского училищ, он два года учился в Саратовской семинарии и зачислен на должность учителя 2-го класса 1-го приходского училища с 14 августа 1834 г. ¹⁵⁷ В следующие два года (низшее отделение 1-го уездного училища) латинский язык принимал сначала Николай Вазерский (в 1838/39 уч. году), затем Матвей Надеждин (род. в 1821 г., выпускник Саратовской семинарии), греческий – Николай Гиацинтов (род. в 1813 г., учился в Пензенской семинарии, образование завершил в Саратове) ¹⁵⁸

¹⁵³ ГАСО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 49. Л. 7, 12, 16. Частично опубликовано: Лебедев А. К биографическому очерку Г. Е. Благосветлова // Русская старина. 1913. Январь. С. 175; Март С. 643.

¹⁵⁴ ГАСО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 49. Л. 17, 19. Гавриле Архангельскому в 1839 г. исполнилось 25 лет, в Саратов он приехал из Пензы, где учился в духовном училище. По окончании Саратовской семинарии он 20 июля 1836 г. определен учителем греческого языка в 1-м уездном училище, а с 17 августа 1837 г. назначен инспектором училища и учителем высшего отделения. (См.: ГАСО. Ф. 402. Оп. 1. Д. 45. Л. 45 об. – 46).

¹⁵⁵ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 910. Л. 95 об., 149 об.; Д. 1011. Л. 157, 191; Д. 1171. Л. 136; Д. 1172. Л. 135, 196; Д. 1409. Л. 51, 101.

¹⁵⁶ Там же. Ф. 402. Оп. 1. Д. 51. Л. 1, 4.

¹⁵⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 971. Л. 42.

¹⁵⁸ Там же. Ф. 402. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–7.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.